

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Доходное, социально-профессиональное и субъективное
положение населения: первые результаты опроса
«Человек, семья, общество» 2015 года

Бурдяк А.Я., Тындик А.О., Елисеева М.А.

Москва 2015

АННОТАЦИЯ

В работе представлены первые результаты второй волны общероссийского обследования «Человек, семья, общество», которое было проведено Институтом социального анализа и прогнозирования в 2015 году. Внимание сфокусировано на анализе текущего положения населения – его профессионального статуса, материального благополучия и социального самочувствия. Настоящая работа является продолжением исследований коллектива института по теме стратификации российского общества и оценки средних классов.

Содержание

Введение.....	4
1 Обследование «Человек, семья, общество»: методологическая справка	6
2 Социально-профессиональное положение населения	12
2.1 Характеристики экономической активности	12
2.1.1 Особенности измерения профессионально-квалификационных и отраслевых групп	14
2.2 Средние и низшие социально-профессиональные классы	21
3 Доходная и имущественная обеспеченность населения	27
4 Субъективные оценки положения населения	45
4.1 Шкалы благосостояния, власти и уважения	45
4.2 Восприятие кризиса и перспектив	51
Заключение	56
Список литературы	58

Введение

В настоящий момент Россия проходит сложный этап экономического и социального развития, поэтому сбор мониторинговой информации о положении населения особенно важен. Социологические данные позволяют дополнить картину, получаемую на основе макростатистики, а для исследования социального самочувствия общества они незаменимы. В июне-июле 2015 года Институтом социального анализа и прогнозирования был проведен общероссийский телефонный опрос «Человек, семья, общество» на выборке в 9500 человек. Первые результаты анализа данных 2015 года о положении российских домохозяйств представлены в настоящей работе.

В фокусе нашего внимания традиционно находятся вопросы социальной стратификации общества. Они включают в себя материально-имущественное, социально-профессиональное и субъективное измерение. Методология определения средних, низших классов и их социального окружения на основе равновесного пересечения этих трех критериев развивается с начала 2000-х годов (Малева и др., 2003). Ее применение к социологическим данным, отражающим разные точки экономического пути России (2000, 2004, 2007, 2011, 2013 годы¹), показало постоянство социальной структуры общества. Масштабы среднего класса неизменно ограничиваются 20%, к низшему классу относится около 10%, а 70% населения заключено между этими двумя группами. Пятнадцать лет назад в отношении перспектив среднего класса эксперты питали две иллюзии – о росте его масштабов и о повышении консистентности внутренних признаков группы. Последняя из них предполагала рост так называемого ядра среднего класса – слоя, в котором сочетается высокий уровень благосостояния, профессионального капитала (образования и характеристик занятости) и уверенности в собственном положении в обществе. Дальнейшие исследования показали, что социальная мобильность середины 2000-х годов была интенсивной, но разнонаправленной: пока одни домохозяйства наращивали признаки среднего класса, другие их теряли².

¹ 2004, 2007, 2011 годы – данные трех волн опроса «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (НИСП), 2013 год – данные первой волны опроса «Человек, семья, общество» (ИнСАП).

² Социально-экономическая мобильность и стратификация российских домохозяйств.
http://www.socpol.ru/news/docs/presentation_25-09-2009.pdf

Наши последние исследования были сосредоточены на анализе индивидуальных социальных траекторий (Малева, Бурдяк, Тындик 2015а). Позднее экономическое взросление молодых поколений россиян оттягивает их вступление в ряды среднего класса. Только в крупнейших мегаполисах протосредний слой (как правило, это выходцы из обеспеченных семей) реализует свой потенциал достаточно быстро. Вместе с тем, истощение социально-экономического потенциала индивида начинается уже с предпенсионных возрастов. Годы экономического роста предоставили немало возможностей для повышения благосостояния домохозяйств, но слабо сказались на шансах его поддержания в старших возрастах. Текущая стагнация несет в себе риски для всех слоев населения, но по потребительскому стандарту среднего класса она может ударить сильнее всего. Новая точка – 2015 год – пополнит ряд наших данных и снова приблизит к пониманию современной социальной действительности.

Сохраняя преемственность выбранной методологии, мы продолжаем совершенствование измерительного инструмента. В 2015 г. мы полностью перешли к безбумажной технологии опроса, которая имея ряд неоспоримых преимуществ, вместе с тем накладывает определенные ограничения и требует повышенного внимания к распределениям базовых показателей. В настоящей работе мы пока не ставили своей целью собрать стратификационную шкалу общества на данных нового опроса. Здесь представлены решения возникших перед нами методологических задач, и исследованы свежие значения частных стратификационных признаков, дающие, прежде всего, наиболее актуальный срез общества в изменившихся экономических условиях.

1 Обследование «Человек, семья, общество»: методологическая справка³

Оценка социально-экономического и демографического поведения населения начинается с моделирования измерительного инструмента – чем он точнее, тем ближе к реальной картине будет полученное исследователями знание. В ходе данной работы много внимания уделялось самой технологии социологического опроса. Способ сбора социологической информации, в значительной степени определяющий ее объем и полноту, можно свести к нескольким компонентам:

- опросная выборка как конструкция объекта исследования;
- опросный инструментарий как исходная модель забора информации об объекте исследования;
- непосредственно технология сбора (бумажная анкета, телефонная, компьютерная или планшетная; самозаполнение или с помощью интервьюера и т.д.).

Каждая из этих компонент определяет качество исходной информации об объекте исследования, на которой в дальнейшем строится оценка его социально-экономического положения.

Традиционно в современной России крупные социологические опросы проводятся методом face-to-face, когда интервьюер со слов респондента заполняет напечатанную на бумаге анкету. Именно таким способом была проведена первая волна обследования «Человек, семья, общество» в 2013 г. Выборки квартирных опросов проектируются на основе маршрутов, привязанных к отобранным УИКа с точно определенной стартовой точкой прохождения маршрута и установленными ограничениями на количество опрошенных в зависимости от этажности жилых помещений. Отбор внутри домохозяйства проводится посредством квотирования групп по полу и возрасту, которые в свою очередь рассчитываются на основе текущих данных Росстата. Данное обстоятельство делает весьма условным расчет статистических показателей, незаменимо опирающихся на предположение о случайном отборе респондентов, и требует введения существенных допущений о реализованной выборке.

³ В написании данного раздела принимала участие Д.М. Рогозин, заведующий Лаборатории методологии федеративных исследований ИнСАП РАНХиГС

Проблема еще большего масштаба возникает на этапе дополнительного контроля реализованной выборки, без которого корректная интерпретация полученных данных невозможна. В «бумажном» поквартирном опросе мы не располагаем необходимыми для этого параданными. Телефонный опрос с обязательной аудио-записью всех соединений, напротив, позволяет контролировать реальную работу интервьюеров, давая возможность оценивать адекватность восприятия опросного инструмента различными слоями населения.

Аудит реализованных маршрутов предыдущих поквартирных опросов выявил ряд фабрикаций и приписок, осуществленных интервьюерами (см. подробнее: [Рогозин, Ипатова, 2015]). По итогам аудита потребовалось проведение дополнительного этнографического исследования основных практик умышленной порчи дизайна исследования и систематизации угроз валидности социальных измерений [Вьюговская, Галиева, Рогозин, 2014; Рогозин, Галиева, 2014; Рогозин, 2015]. В результате полуторагодовой методической работы коллектива сотрудников ИнСАП РАНХиГС было выдвинуто заключение о невозможности адекватного контроля «бумажных» опросов и необходимости полного отказа от подобной технологии. Публичная дискуссия о феномене фабрикаций привела к активному отказу от бумажных опросов основных игроков исследовательского рынка, прежде всего Фонда «Общественного мнения» и ВЦИОМа.

В 2015 году ИнСАП РАНХиГС также отказался от использования бумажной технологии для массового опроса «Человек, семья, общество» и принял решение о тотальной его автоматизации. Это потребовало разработки и реализации пилотажного исследования на планшетах (СAPI), которое было проведено в двух городах, Самаре и Екатеринбурге, общим объёмом в 600 респондентов. Однако, при детальном прослушивании аудиозаписей опроса обнаружились новые способы фабрикаций. Удаленность работы, привычки фальсифицировать данные, отсутствие должного контроля и низкая квалификация интервьюеров региональных центров указывает на то, что российская индустрия массовых опросов еще не готова к проведению общероссийских автоматизированных личных опросов. Мы пришли к выводу, что пока возможны лишь региональные исследования, где присутствуют наиболее надежные партнеры федеральных заказчиков. Кроме этого, автоматизация опроса привела к значительному удорожанию и увеличению сроков полевых работ. В связи с этим в 2015 году было решено провести комплексный опрос: личный на

планшетах (CAPI) в трех регионах (Воронежской, Самарской и Челябинской областях) и общероссийский телефонный опрос (CATI). Выборка CAPI-опроса составила по 1000 респондентов в возрасте от 18 до 72 лет в каждой из областей. Опрос проходил в период с 01 июля по 10 октября 2015 года. Выборка CATI-опроса, проведенного в период с 15 июня по 30 июля 2015 года, охватила 9021 респондентов в возрасте от 18 до 72 лет. На момент подготовки настоящего препринта доступными для анализа были данные только телефонной части опроса, о них и пойдет речь ниже.

CATI технология как средство сбора социологических данных обладает рядом преимуществ и недостатков. Во-первых, централизованное проведение опроса с текущим контролем работы интервьюеров позволяет оперативно корректировать практики интервьюирования, освобождать от участия в проекте недобросовестных сотрудников и поощрять наиболее активных и ответственных. Во-вторых, автоматизированный телефонный опрос дает максимальное число параданных, анализ которых гарантирует соблюдение международных стандартов по оценке ошибок, связанных с неответами. Запись аудио в ходе интервью помогает снизить риски фальсификаций и фабрикаций, а также анализировать развернутые ответы респондентов и подходить к исследованию массива данных с качественными методами анализа. Программируемая анкета облегчает маршрутизацию интервью, упрощает управление переходами от вопроса к вопросу, исходя из ответов респондента, снижая риски ошибок и случайных пропусков вопросов. Точный контроль времени начала и окончания интервью, в том числе по прерванным интервью, дает возможность апостериорного анализа анкеты и поиска проблемных вопросов для тестирования общего дизайна анкеты [Вьюговская, Rogozin, Сапонов 2014].

В-третьих, телефонный опрос позволяет оперативно и значительно дешевле реализовывать сложные общероссийские проекты, за весьма короткий срок опрашивать многочисленные группы населения. Уменьшается количество ошибок путем автоматического считывания данных в программной среде SPSS (не нужно вводить данные «вручную»), сокращается время первичной обработки данных. Наконец, телефонный опрос дает наивысший региональный и поселенческий разброс, тогда как поквартирные выборки, как правило, строятся на компромиссных решениях, исключая труднодоступные населенные пункты.

Вместе с тем, на текущий момент CATI и CAPI⁴ технологии несут в себе и ряд рисков. Для комплексных социально-экономических обследований главный недостаток телефонного опроса состоит в более короткой по сравнению с face-to-face длительностью интервью. Невозможность использования карточного материала, трудность восприятия шкальных и сложных вопросов по телефону, повышение сенситивности вопросов о доходах и благосостоянии – все это накладывает ограничения на возможности такого метода сбора данных. В дальнейших разделах настоящей работы мы неоднократно возвращаемся к особенностям и рискам телефонного сбора данных для конкретных разделов анкеты. В целом, вопросный инструмент ЧСО-2015 (CATI) является сокращенной версией инструментария 2013 года и содержит широкий круг вопросов по теме социально-экономического поведения индивидов и домохозяйств. В ходе многочисленных пилотажей анкеты удалось выстроить приемлемую конфигурацию вопросов, позволяющую обходить визуальные барьеры, присущие телефонным опросам.

Выборка ЧСО-2015 (CATI) получена автоматическим генерированием стационарных и мобильных номеров телефонов по региональным кодам с последующей актуализацией базы данных. Она репрезентативна на федеральном уровне и включает более 80 субъектов Российской Федерации. Допустимая статистическая погрешность составляет не более 5%. Выборка полностью случайна, другими словами, к ней не предъявлялось требований поло-возрастных квот. В строгом смысле случайные выборки не являются таковыми из-за процедуры отбора или поведения респондентов, однако отступление от принципа случайности в выборе пути к объекту интервью и вовсе приводит к неконтролируемым систематическим смещениям (Рогозин, 2005). Отсутствие квот вместе с различиями в достижимости разных групп респондентов традиционно приводит к некоторому навесу из женщин пожилых возрастов в выборке (рисунок 1.1). Однако его масштаб невелик – в группе 55-69 лет превышение по сравнению с генеральной совокупностью составляет в среднем 2 п.п. Вместе с тем, в 2015 году не наблюдается перебора младшей возрастной группы, как это было в 2013 году. Распределение

⁴ CAPI-технология имеет свои специфические преимущества (от geo-tagging маршрутов до визуальной социологии) и недостатки (от проблем заполнения открытых вопросов до несовершенства сбора параданных планшетами), о которых пойдет речь в наших следующих работах.

подвыборок мужчин и в 2013 и в 2015 годах было в целом довольно близко к генеральной совокупности.

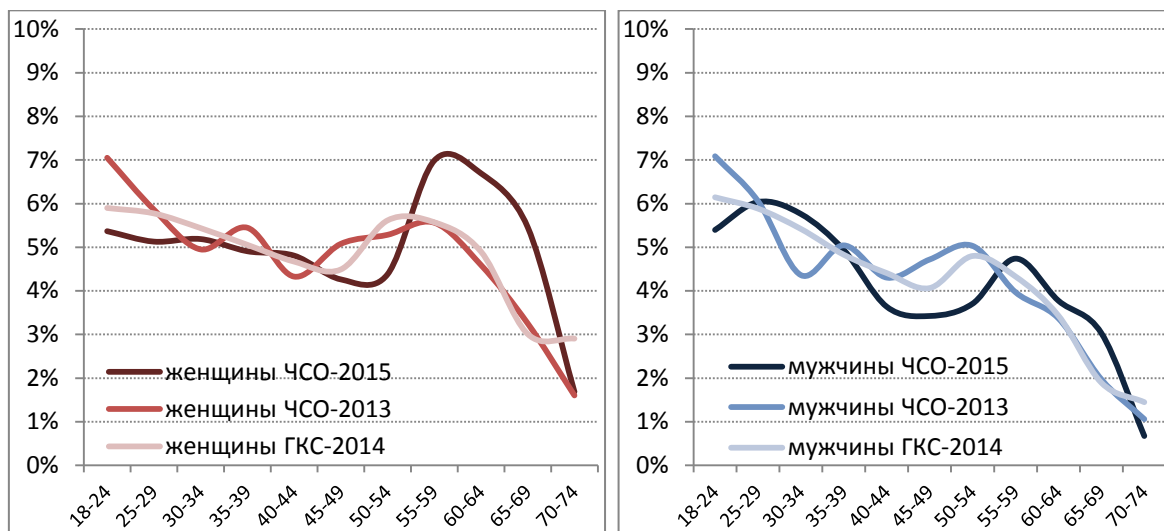

Рисунок 1.1 – Распределение женщин и мужчин по возрасту в выборке ЧСО 2013⁵ и 2015 гг., а также по данным Росстата на начало 2014 года, % от численности обоих полов в возрасте 18-74 года

Выборка 2015 года более точно отражает повозрастную структуру разных населенных пунктов (таблица 1.1). Так, по ней заметно, что из всех опрошенных пенсионеров каждый четвертый проживает в сельской местности, а из всех трудоспособных – только каждый пятый. Выборка 2013 года одинаково оценивала шансы молодых и пожилых проживать в сельской местности, что в генеральной совокупности не совсем так. Обратная зависимость наблюдается для центров регионов в 2015 году – здесь для лиц трудоспособного возраста вероятность проживать на 5 п.п. выше, чем для пожилых.

Таблица 1.1 – Распределение лиц пенсионного и трудоспособного возрастов по типам населенных пунктов, 2013 и 2015 гг., % по строке

	Москва, С-Петербург		Центры регионов		Остальные города, включая ПГТ		Сельская местность	
	2015	2013	2015	2013	2015	2013	2015	2013
трудоспособные	10,2	12,3	30,3	27,7	39,1	36,5	20,4	23,5
пенсионеры	9,0	11,1	25,3	26,6	41,0	38,6	24,7	23,6

⁵ Первая волна обследования «Человек, семья, общество», проведена в 2013 году по выборке в 9500 респондентов методом face-to-face. Здесь и далее при сравнении выборок из данных 2013 года для сопоставимости убраны респонденты старше 74 лет.

Таким образом, данные опроса 2015 года достаточно хорошо репрезентируют генеральную совокупность по базовым характеристикам. Прохождение дополнительного сопряжения с данными Росстата массивами поквартирного (2013) и телефонного опросов (2015) позволяет с учетом возможных смещений сравнивать эти данные, рассматривая их как волны одного исследования. Несмотря на то, что анкета претерпела определенные изменения, связанные как с подстройкой под телефонный стиль общения, так и со снятием выявленных ошибок измерения, тем не менее нам удалось сохранить формулировки значимых вопросов без изменения, чтобы иметь возможность изучить динамику ключевых характеристик за два года.

2 Социально-профессиональное положение населения

2.1 Характеристики экономической активности

Для расчета показателей занятости, безработицы и экономической активности населения были использованы определения Международной организации труда (МОТ) [о применении см.: Hussmanns et al, 1990; Hussmanns, 2007]. Поскольку специфика телефонного опроса не дает возможности задавать респондентам весь перечень вопросов, критерии МОТ учитывались по возможному максимуму, но не полностью.

Уровень занятости обычно рассчитывается на основании базового вопроса о занятии респондента в настоящее время, а также ряда дополнительных вопросов, адресованных тем, кто, судя по базовому вопросу, не работает. Это вопросы о наличии оплачиваемой работы или подработки хотя бы один час в течение недели, о временном отсутствии на работе при наличии работы, о работе на семейном предприятии, в том числе без оплаты. В данном исследовании в 2013 и 2015 гг. указанная схема была упрощена до двух вопросов – основного *«В настоящее время вы работаете, учитесь, на пенсии, находитесь в отпуске по уходу за ребенком или (временно) не работаете?»*, и дополнительного *«Все могут время от времени подрабатывать для пополнения семейного дохода или по другим причинам. Скажите, на прошлой неделе – с понедельника по воскресенье – может быть вы тоже имели какую-то оплачиваемую работу?»*. Опыт показывает, что именно так можно наиболее полно выявить занятых, поскольку при вопросе о работе хотя бы один час в течение недели респонденты часто путаются и затрудняются с ответом.

В результате к работающим причислялись все ответившие на основной вопрос *«Работаю (включая находящихся в отпуске)»* или *«В декрете, в отпуске по уходу за ребенком»*. Стоит отметить, что обычно к занятым причисляют женщин, находящихся в декрете (отпуске по уходу за ребенком до полутора лет), в то время как женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет относят к экономически неактивному населению. Однако инструментарий обследования не позволил нам разделить эти группы, обе они отнесены к занятым, что могло незначительно повлиять на финальную оценку занятости. Как видно из Таблицы 2.1, полученное в 2015 г. распределение в целом соответствует данным первой волны обследования «Человек, семья, общество» 2013 года. Так, к работающим себя

отнесли 65% опрошенных, 31% отметили, что являются пенсионерами, 6% учатся в высших учебных заведениях, 9% - не работают и занимаются домашним хозяйством, и, наконец, 4% находятся в отпуске по уходу за ребенком. Доли работающих пенсионеров и работающих студентов составляют, соответственно, 3% и 11% от выборки телефонного опроса.

Таблица 2.1 – Распределение ответов на вопрос об основном занятии, %

	2013 год	2015 год
Работаю, включая тех, кто в отпуске	64	65
Учусь	7	6
На пенсии	27	31
В декрете, в отпуске по уходу за ребенком	4	4
Не работаю, занимаюсь домашним хозяйством	8	9
Другое	2	2

* Сумма по столбцам превышает 100%, так как опрошенные отмечали все подходящие варианты ответа

На основании ответов на дополнительный вопрос – о наличии какой-либо дополнительной оплачиваемой работы в течение недели, предшествующей опросу, к работающим были отнесены еще 3% опрошенных. Для российского рынка труда сферы дополнительной, неполной и сезонной занятости заслуживают детального анализа. Традиционно, среди занятых, выявленных на основании дополнительных вопросов, но не отнесших себя к этой категории при ответе на вопрос об основном занятии, гораздо выше доля самозанятых (42% против 13%), работающих неполный рабочий день (соответственно, 56% против 11%), а также тех, чья работа носит сезонный характер (70% против 9%).

Уровень неполной занятости респондентов в возрасте от 25 до 54 лет практически неизменен (10-12%), а в наиболее молодых возрастах каждый пятый занятый работает неполный день. Также эта доля растет после 55 лет и достигает 24% для опрошенных в возрасте старше 60 лет. Доля занятых неполный день среди женщин выше, чем среди мужчин, соответственно 15% и 12%. Сезонный характер работы преобладает в молодых возрастах (до 24 лет) (24%), также временная занятость характерна для десятой части опрошенных в возрасте от 25 до 44 лет и старше 55 лет. В возрастной группе от 45 до 54 лет эта доля составляет 6-7%. Среди мужчин выше доля тех, чья работа имеет сезонный, временный характер (14% против 8% среди женщин). Сезонная и временная занятость с уменьшением размера населенного пункта становится более распространенной. С 9,6% работников в

Москве и Санкт-Петербурге она возрастает до 12,4% всех занятых в сельской местности (Таблица 2.2).

Таблица 2.2 – Распределение по характеру работы в разрезе типа населенного пункта, % по строке

	Постоянная работа	Сезонная, временная работа
Москва, Санкт-Петербург	90,4	9,6
Центры регионов	89,6	10,4
Остальные города, включая ПГТ	88,9	11,1
Сельская местность	87,6	12,4

2.1.1 Особенности измерения профессионально-квалификационных и отраслевых групп

Для дальнейшего анализа социально-профессионального критерия стратификации большую роль играет точность профессионально-квалификационного статуса респондентов. В связи со сложностью данной категории для респондента и низкой достоверностью ответов на закрытый вопрос в крупных исследованиях используется открытая формулировка (*«Каково полное название профессии и должности, на которой вы сейчас работаете? Если вы заняты на нескольких работах, скажите о той, которую вы считаете основной»*). Ответы на него даются в свободной форме, интервьюеры записывают их максимально точно, а затем они кодируются в соответствии с Общероссийским классификатором занятий (ОКЗ)⁶. Стоит отметить, что, хотя с 1 июля 2015 года был введен новый ОКЗ, для кодировки был использован старый, введенный в применение в 1995 году, для целей сравнительного анализа. Поскольку в рамках телефонного опроса дополнительный вопрос о функциях, которые выполняют респонденты на рабочем месте, не задавался, то для кодировки и приведения ответов в соответствие с ОКЗ также нами учитывались отрасль занятости (чем занимается предприятие, организация), размер заработной платы, уровень образования, возраст респондента, регион проживания и тип населенного пункта.

Структура ОКЗ обширна и сложна: он содержит 441 базовую группу, 137 составных групп, 33 подгруппы и 9 укрупненных групп. Очевидно, что размер

⁶ "Общероссийский классификатор занятий. ОК 010-93" (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 30.12.1993 N 298) (дата введения 01.01.1995).

выборки и формат опроса позволяют провести кодировку только по укрупненным подгруппам. В результате были получены два индикатора: распределение по вышеназванным укрупненным подгруппам по ОКЗ, которое использовалось, в частности, для досчета пропущенных значений заработных плат; и распределение по укрупненным группам ОКЗ (Таблица 2.3).

Таблица 2.3 – Распределение респондентов по укрупненным профессионально-квалификационным группам, %

	Доля
Вооруженные силы	0,6
Руководители	12,9
Специалисты высшего уровня квалификации	21,3
Специалисты среднего уровня квалификации	12,9
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	1,9
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	13,3
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства	1,5
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	16,1
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики	10,6
Неквалифицированные рабочие	8,8

Кодирование видов экономической деятельности предприятий и организаций, на которых заняты опрошенные, всегда осложнено слабой информированностью респондентов о ней. Это делает некорректным использование закрытого перечня ответов, поэтому нами традиционно задается открытый вопрос (в опросе ЧСО использовалась формулировка: «*Чем занимается это предприятие, организация? Какую основную продукцию или услуги оно производит?*»). Кодирование видов экономической деятельности производилось в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД)⁷. В силу специфики опроса и небольшого размера выборки кодирование производилось только по основным разделам ОКВЭД, а также по подразделам, некоторые из которых были укрупнены. В результате были получены два индикатора – распределение по укрупненным группам в соответствии с ОКВЭД (Таблица 2.4) и распределение по

⁷ Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1).

укрупненным подгруппам, которое также использовалось так же для досчета пропущенных значений заработных плат.

Таблица 2.4 – Распределение респондентов по укрупненным разделам отраслей занятости, %

	Доля
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	3,3
Добыча полезных ископаемых	1,8
Обрабатывающие производства	17,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,4
Строительство	10,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	15,9
Гостиницы и рестораны	2,4
Транспорт и связь	8,1
Финансовая деятельность	1,7
Операции с недвижимостью	7,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	5,1
Образование	9,2
Здравоохранение	7,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	7,1

По результатам обследования 2015 года к категории руководителей было отнесено 13,7% опрошенных, к специалистам высшего уровня квалификации – 23,6%, к специалистам среднего уровня квалификации – 13,6%, к служащим, занятым подготовкой информации – 2%, к работникам сферы обслуживания – 12,8%, к работникам сельского хозяйства – 1,2%, к квалифицированным рабочим – 14,5%, к операторам, аппаратчикам, машинистам – 9,5%, к неквалифицированным рабочим – 8,2% (таблица 2.5).

Таблица 2.5 – Распределение работающих по профессионально-квалификационному статусу, %

	Доля
Руководители	13,7
Специалисты высшего уровня квалификации	23,6
Специалисты среднего уровня квалификации	13,6
Служащие, занятые подготовкой информации и т.д.	2,1
Работники сферы обслуживания	12,8
Работники сельского хозяйства	1,2
Квалифицированные рабочие	14,5
Операторы, аппаратчики, машинисты	9,5
Неквалифицированные рабочие	8,2

Помимо вопроса о размере заработной платы (о котором речь пойдет ниже) респондентам задавался вопрос «*Ваша зарплата (1) вся официальная (белая), (2) часть зарплаты официальная, а часть выплачивается в «конверте», (3) вся зарплата неофициальная (в «конверте»)?*». У абсолютного большинства опрошенных (77%) вся заработная плата полностью официальная. По десятой части респондентов отметили ответы «часть зарплаты официальная, «белая», а часть зарплаты выплачивается в конверте» и «вся зарплата неофициальная, выплачивается «в конверте»». Около 3% опрошенных затруднились с ответом.

Ожидаемо, чаще всего неофициальную заработную плату получают работающие без оформления документов (73%), их доля составляет 13% от всех занятых в выборке. Среди них наиболее высока и доля тех, кто затруднился с ответом (5%). Доля тех, кто работает на основе договора и получает неофициальную заработную плату в пять раз ниже – 14%. Наконец, среди тех опрошенных, кто оформлен по трудовой книжке, практически нет получающих неофициальную заработную плату (1%). Среди них также наиболее высокий уровень информированности о том, официален ли их доход (98%) (Таблица 2.6).

Таблица 2.6 – Распределение респондентов по наличию официальной заработной платы и официальному оформлению на работе, % по строке

	Вся зарплата официальная, белая	Часть зарплаты «белая», а часть выплачивается в «конверте»	Вся зарплата неофициальная, выплачивается в «конверте»	Затрудняюсь ответить
Оформлен по трудовой книжке	87	10	1	2
Работает на основе договора	69	12	14	4
Без оформления документов	18	4	73	5

Респондентов просили ответить на вопрос о негативных изменениях на предприятиях, где они работают (с закрытым перечнем ответов) за последний год. Большинство опрошенных (57%) отметили, что никаких негативных событий не происходило, однако значительное число занятых было затронуто шоками рынка труда. Чаще всего на предприятиях случались увольнения по сокращению штата и отмена премий и бонусов. Задержки выплат заработной платы и сокращение её

размера в сумме отметил примерно каждый четвертый (Рисунок 2.1). Напомним, что опрос проводился в июне-июле 2015 г.

Рисунок 2.1 – Распределение ответов на вопрос о негативных изменениях на рабочих местах, %

Реже всего негативные изменения за последний год происходили на предприятиях отраслей сельского хозяйства и торговли – соответственно, 68% и 67% работников, занятых в них, отметили ответ «ничего плохого не было». Далее следуют работники отрасли «ЖКХ и прочие услуги» (64%). Около 60% из отраслей «Добыча полезных ископаемых», «Гостиницы и рестораны» и «Операции с недвижимостью». Чуть более половины опрошенных, занятых в области строительства, образования и здравоохранения не заметили негативных изменений на рабочем месте. Наконец, значительно больше отрицательных происшествий произошло в области финансовой деятельности, только в 40% занятых в ней отметили отсутствие негативных изменений (Рисунок 2.2). Полученная картина изменений российского рынка труда основана на наблюдении за ситуацией изнутри, когда исследуется мнение тех, кто не стал жертвой увольнения по сокращению штатов. То, что в ходе экономического кризиса предприятия в минимальной степени прибегают к увольнениям (Малева и др., 2015б) дает основания предполагать, что в данном случае реальная ситуация отражена адекватно.

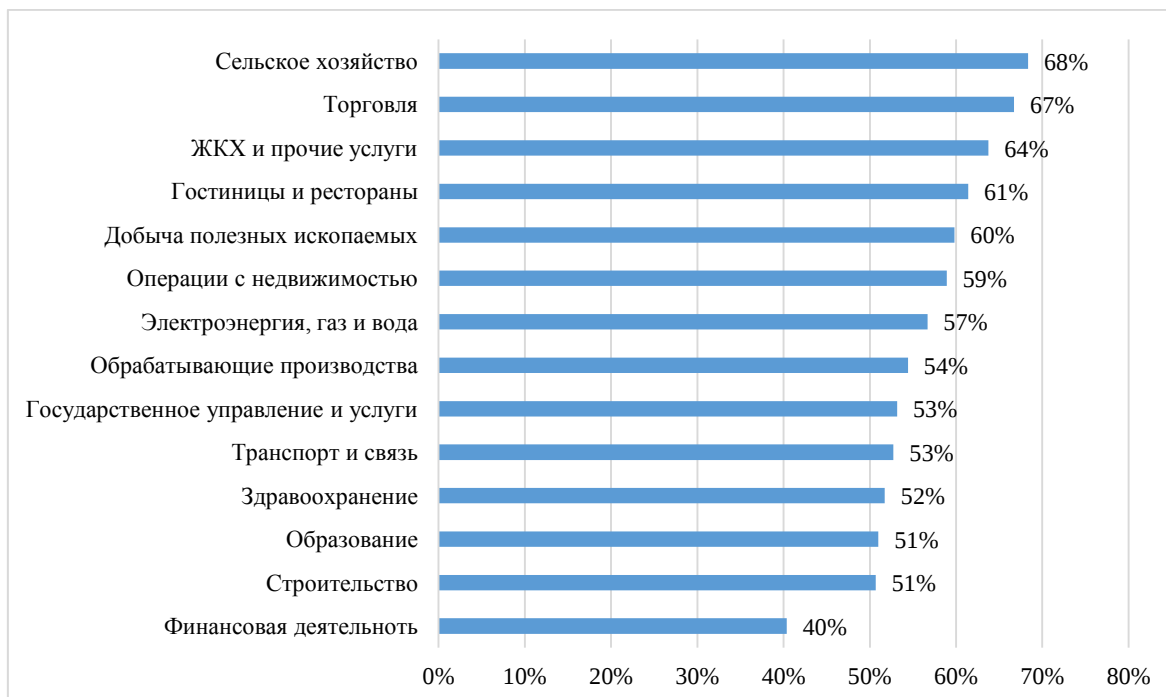

Рисунок 2.2 – Распределение ответивших, что никаких негативных изменений на рабочем месте не произошло, по отрасли занятости, %

Однако, насколько стабильным считают свое положение работники? Абсолютное большинство респондентов в отношении их будущей занятости («Как вы думаете, могут ли вас уволить в этом году?») ожидают, что увольнение скорее всего не произойдет. Каждый десятый среди отвечавших затруднился с ответом на вопрос. Чаще всего угрозу увольнения чувствуют операторы и машинисты (19%), около 15% квалифицированных и неквалифицированных рабочих, а также служащих отметили, что их скорее могут уволить в ближайшее время. Также считает и каждый десятый руководитель, специалист и работник сферы обслуживания. Реже всего такой вариант ответа выбрали работники сельского хозяйства. Тем не менее, наибольшую уверенность в том, что они не будут уволены, продемонстрировали руководители и специалисты высшего и среднего уровня квалификации. Наименее уверены в том, что увольнение не случится неквалифицированные рабочие, они же, наравне с работниками сельского хозяйства и служащими, занятыми подготовкой информации, чаще других затруднялись с ответом (Таблица 2.7).

Таблица 2.7 – Распределение мнений респондентов о том, могут ли их уволить в ближайшее время, по профессионально-квалификационному статусу, % по строке

	Скорее да, могут	Скорее нет, не могут	З.О.
Руководители	10	82	8
Специалисты высшего уровня квалификации	10	82	7
Специалисты среднего уровня квалификации	11	81	8
Служащие, занятые подготовкой информации и т.д.	14	72	15
Работники сферы обслуживания	11	77	12
Работники сельского хозяйства	8	77	15
Квалифицированные рабочие	14	75	11
Операторы, аппаратчики, машинисты	19	71	9
Неквалифицированные рабочие	15	69	16

В соответствии с определением безработицы МОТ, безработные должны выявляться на основании трех критериев: отсутствие оплачиваемой занятости или самозанятости, готовности приступить к работе в течение двух недель, поисков работы в течение последних 30 дней. Лица, не ищущие работу, поскольку уже нашли ее, или ожидающие ответа от работодателя также должны причисляться к безработным. В обследовании ЧСО были учтены основные критерии безработицы, за исключением людей, не ищущих работу – эта часть респондентов, скорее всего, была причислена к экономически неактивным. Также некоторая погрешность обусловлена учетом женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте от 1,5 до 3 лет в качестве занятых, хотя по правилам это экономически неактивная группа населения. В рамках данного исследования уровень безработицы (отношение безработных к экономически активному населению) составил 8%, что можно считать несколько завышенным (по данным первой волны он составил 6%).

2.2 Средние и низшие социально-профессиональные классы

Социально-профессиональный критерий стратификационной шкалы общества определяется на основе объема человеческого капитала индивида, характера его занятости и должностной позиции. Помимо характеристик экономической активности учитывается уровень полученного образования. В среднем по выборке высшее образование получили 40% опрошенных, начальное или среднее профессиональное образование, соответственно 6,6% и 36,2% респондентов, а образование в рамках средней школы имеют 15,6% (таблица 2.8).

Таблица 2.8 – Распределение респондентов по наивысшему уровню полученного образования, %

	Доля
Начальная или средняя школа	15,6
Начальное профессиональное (имеют лица, окончившие фабрично-заводские школы (их могут отмечать лица старших возрастов...	6,6
Среднее профессиональное (имеют лица, окончившие техникумы (училища), колледжи (средние специальные учебные заведения...	36,2
Высшее образование	40,4
Аспирантура, ординатура, докторантура	1,1

К среднему социально-профессиональному классу относятся:

- 1) респонденты с высшим образованием, занятые нефизическим трудом; для отдельных категорий работников (сферы обслуживания и т.п.) выдвинут критерий занятости полный рабочий день;
или
- 2) (со)владельцы предприятий и предприниматели, включая фермеров (без образовательного ценза).

Эти две группы представляют «новый» и «старый» средний класс. Объем выделенной таким образом группы на данных 2013 года составлял 22,6% выборки. В 2015 году он оказался равен 28,7%. Сразу стоит оговориться, что данное изменение нельзя рассматривать исключительно как социальную динамику, так как из-за смены опросной технологии массивы двух опросов между собой не полностью сопоставимы.

Низший класс по социально-профессиональному статусу включает тех, кто занят физическим трудом или не занят вовсе, и имеет образование ниже среднего специального (т.е. до начального профессионального включительно). Доля низшего

класса по этому критерию в 2013 году составила 24,6% выборки, в 2015 году – 20,4% (таблица 2.9).

Таблица 2.9 – Доля среднего и низшего классов по социально-профессиональному критерию, 2013 и 2015 гг., % по столбцу

	2013 год	2015 год
средний проф. класс	22,6	28,7
ни средний, ни низший	53,0	50,9
низший проф. класс	24,4	20,4

По сравнению с 2013 годом меньше стала доля тех, кто занят на рабочих местах, соответствующих уровню среднего класса, но не имеет при этом высшего образования (таблица 2.10). Кроме того, сократилась доля незанятых и не имеющих высшего образования.

Таблица 2.10 – Типология социально-профессионального статуса, 2013 и 2015 гг., % по столбцу

	2013 год	2015 год
средний класс по социально-профессиональному критерию	22,6	28,7
занятость уровня среднего проф. класса, но нет высшего образования	19,2	15,1
есть высшее образование, незанят	6,1	8,3
есть высшее образование, занят неквалифицированным трудом	2,3	3,9
нет высшее образование, незанят	28,5	24,9
нет высшее образование, занят неквалифицированным трудом	21,3	19,2

В разрезе отраслей проявляются закономерные отличия профессиональных классов (таблица 2.11). В низшем классе относительно больше наполненность групп занятых в обрабатывающих производствах, в транспорте и связи, в сельском хозяйстве и строительстве. В среднем классе концентрируются занятые операциях с недвижимостью и в образовании, немного выше доля занятых в торговле. Представленность бюджетного сектора (работники сферы образования) в профессиональном среднем классе предопределяет тот факт, что в современной России этот класс лишь частично пересекается с тем, что выделяется на основе материально-имущественного критерия.

Таблица 2.11 – Отраслевая структура профессиональных классов, % по столбцу

	средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс
Сельское хозяйство	2,0	3,1	7,8
Добыча полезных ископаемых	1,2	1,8	3,1
Обрабатывающие производства	13,3	18,9	22,2
Электроэнергия, газ и вода	2,4	3,6	5,5
Строительство	7,6	10,9	15,4
Торговля	17,8	15,5	12,1
Гостиницы и рестораны	2,0	2,9	1,9
Транспорт и связь	6,5	8,7	10,5
Финансовая деятельность	3,2	0,7	0,2
Операции с недвижимостью	10,8	5,7	2,8
Государственное управление и услуги	6,7	4,4	2,7
Образование	13,3	7,0	4,3
Здравоохранение	6,9	9,0	4,0
ЖКХ и прочие услуги	6,2	7,8	7,6

Какова структура и социально-экономические характеристики «профессионального» среднего и низшего классов в 2015 году? Наибольшие шансы попадания в состав социально-профессионального класса имеют женщины трудоспособных возрастов (таблица 2.12). В России уровень образования женщин в среднем выше, чем мужчин. Трудоспособные мужчины отличаются большими рисками попадания в низший профессиональный класс, они чаще заняты физическим неквалифицированным трудом. Респонденты пенсионных возрастов концентрируются в промежуточном классе. Они имеют более высокие риски пребывания в низшем классе, чем респонденты трудоспособных возрастов. В отличие от трудоспособного контингента, у мужчин пенсионного возраста больше шансов оказаться в среднем классе, чем у женщин.

Таблица 2.12 – Риски попадания мужчин и женщин трудоспособных и пенсионных возрастов в профессиональные классы, %

		средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс
трудоспособные	мужчины	31,8	45,9	22,3
	женщины	37,8	47,0	15,2
пенсионеры	мужчины	16,1	57,6	26,3
	женщины	12,5	64,0	23,4

Вполне закономерно, что в профессиональном среднем классе доля проживающих в Москве и Санкт-Петербурге выше среднего и выше, чем в других

классах (таблица 2.13). Низший класс концентрируется в сельской местности. В поселенческой структуре профессиональных классов между трудоспособными и пенсионерами различий нет.

Таблица 2.13 – Структура профессиональных классов в поселенческом разрезе, % по столбцу

	трудоспособные			пенсионеры		
	средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс	средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс
Москва, С-Петербург	13,8	9,5	5,6	15,4	8,8	6,0
Центры регионов	38,8	26,4	24,3	34,3	24,3	22,7
Остальные города, включая ПГТ	36,3	42,0	37,1	36,3	43,0	38,5
Сельская местность	11,2	22,2	33,0	14,0	23,8	32,8

Из предыдущих исследований нам известно, что средний класс, выделенный по социально-профессиональному и по материально-имущественному критериям, пересекается не полностью. Анализ потребительского статуса домохозяйств показывает, что и в профессиональном среднем классе более 10% домохозяйств испытывает трудности в приобретении одежды и оплате жилищно-коммунальных услуг (таблица 2.14). Безусловно, эти трудности нарастают по мере движения к старшим возрастам и низшим классам. Интересно, что внутри низшего класса различия по возрасту достаточно высоки – так, к наименее обеспеченным по критерию потребительского статуса принадлежит 28,6% трудоспособных и 43,9% пенсионеров. Внутри среднего класса влияние возраста тоже есть, но оно слабее, и на наполненность верхних групп по потребительскому статусу не влияет вовсе. Значимые различия наблюдают только в категории тех, кому хватает денег на текущее потребление, но не на товары длительного пользования – 34,6% среди трудоспособных против 42,6% пенсионеров. Пребывание в среднем классе по социально-профессиональному критерию защищает большинство пенсионеров от попадания в периферию бедности.

Таблица 2.14 – Потребительский статус домохозяйства в разрезе профессионального класса респондента и его возраста, % по столбцу

	Р в трудоспособном возрасте			Р в пенсионном возрасте		
	средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс	средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс
На еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно (включая тех, кому денег не хватает даже на еду)	13,7	24	28,6	12,7	29,1	43,9
Денег хватает на еду и одежду, на более крупные покупки (холодильник, телевизор) не хватает	34,6	44,0	44,7	42,6	48,0	42,3
Денег хватает на товары длительного пользования и отдых, но покупка автомобиля недоступна	32,8	19,4	16,4	30,0	14,4	10,4
Могли бы купить автомобиль, но покупка квартиры/ дома недоступна или Денег достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	18,1	11,4	8,8	14,2	6,9	2,8
Затрудняюсь ответить / отказ от ответа	0,8	1,2	1,4	0,5	1,5	0,5

Динамика материального положения за последние 3 года варьирует по социально-профессиональным классам даже при контроле на возраст респондента (таблица 2.15). В профессиональном среднем классе среди респондентов трудоспособных возрастов улучшение материального положения отметили 37,2% против 27-28% в других классах. Среди пенсионеров различия между классами еще выше – 22,1% против 11% отметили улучшение материального положения в среднем и низшем классе соответственно. Высокая доля тех пенсионеров, кто отметил ухудшение материального положения, будучи между низшим и средним классом, объясняется тем, что эту группу попадают самые старшие возраста.

Таблица 2.15 – Динамика материального положения в разрезе профессионального класса респондента и его возраста, % по столбцу

	Р в трудоспособном возрасте			Р в пенсионном возрасте		
	средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс	средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс
Улучшилось	37.2	28.0	27.3	22.1	15.6	10.8
Не изменилось	37.8	44.7	48.3	48.2	51.6	64.9
Ухудшилось	24.8	26.4	23.5	28.8	32.0	23.8
Затрудняюсь ответить	0.2	0.9	1.0	0.8	0.9	0.5

Рассматриваемые оценки респондентов по самоидентификационным шкалам варьируют в зависимости от их образования, и в более широком смысле – в зависимости от социально-профессионального статуса. Так, доля поместивших себя в категорию самых бесправных резко возрастает от среднего к низшему профессиональному классу внутри каждой из возрастных групп (таблица 2.16). Каждый третий пенсионер с низким статусом и почти каждый десятый трудоспособный с высоким статусом относят себя к самым бесправным.

Таблица 2.16 – Доля тех, кто отметил вариант «самые бесправные» на самоидентификационной лестнице в разрезе профессионального класса респондента и его возраста, % от выборки

	Р в трудоспособном возрасте			Р в пенсионном возрасте		
	средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс	средний проф. класс	ни средний, ни низший	низший проф. класс
«самые бесправные»	8.8	17.5	21.1	15.2	27.5	33.7

Таким образом, предварительный анализ социально-профессиональных классов на массиве данных телефонного опроса 2015 года показал, что оценки масштабов распространения среднего и низшего классов несколько отличаются от аналогичных оценок 2013 года. В 2015 году масштаб среднего класса оказался больше, а низшего – меньше. При этом структура социально-профессиональных классов различается не сильно. В полной мере оценить устойчивость стратификационных оценок можно будет после построения итоговой шкалы.

3 Доходная и имущественная обеспеченность населения

Согласно статистическим данным, начавшийся в 2014 году экономический кризис чреват дальнейшим повышением уровня бедности и ухудшением социальной структуры российского общества. В 2015 году реальные денежные доходы населения снизились, как и самооценка материального положения. В связи с пониженной индексацией многих социальных выплат (ниже реального уровня инфляции) уменьшилась их доля в общей структуре денежных доходов населения. Растущие цены на товары и услуги существенно сократили покупательную способность населения, стимулировав переход к экономному режиму потребления. В то же время на фоне более глубокого падения реальной заработной платы снижение реальных душевых доходов населения относительно невелико (Рисунок 3.1). Анализ распределения общего объема денежных доходов населения по квинтильным группам показывает, что в большей степени данное снижение касается самых обеспеченных слоев населения, и ведет к сокращению доходного неравенства. В то же время в условиях дальнейшего роста цен, в том числе на жилищные, коммунальные услуги, товары первой необходимости, реальные денежные доходы населения продолжают сокращаться (Малева и др., 2015б).

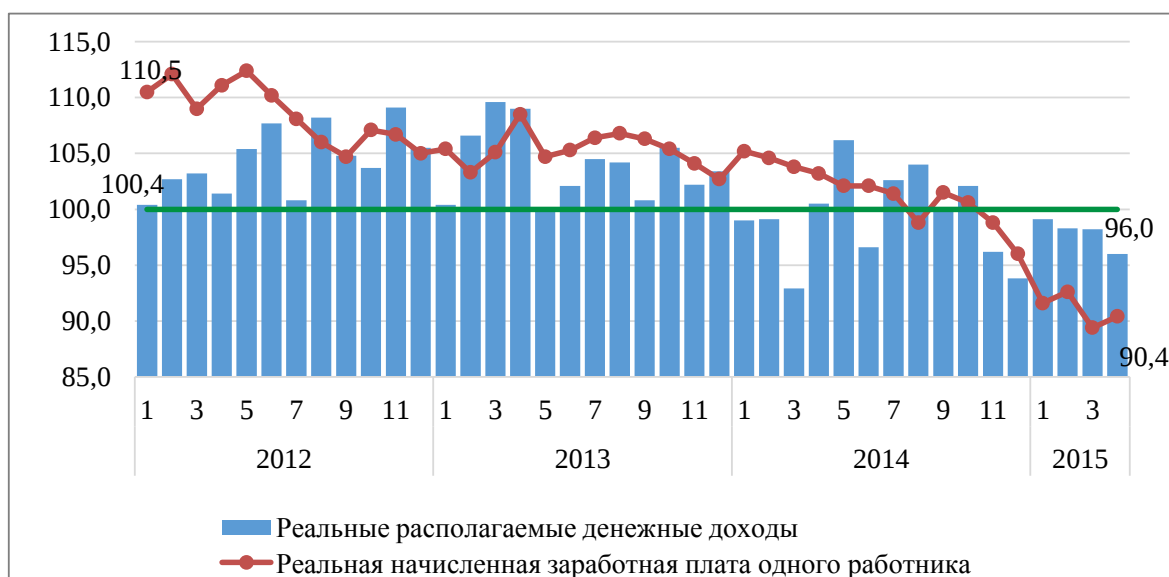

Рисунок 3.1 – Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения, в 2012–2015 годах, % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник – составлено по данным Росстата

О доходах и материальном положении домохозяйства респондента из телефонного опроса «Человек, семья, общество» (2015) мы знаем следующее:

- Кто в семье зарабатывает больше других и является её кормильцем.
- Какие источники существования есть у домашнего хозяйства – работа, пенсия, подсобное хозяйство и прочие.
- Размер доходов всех членов семьи, включая любые денежные поступления за последний месяц, в совокупном измерении.
- Размер трудовых доходов, пенсии и социальных выплат, которые получает сам респондент (индивидуальные доходы) за последний месяц.
- Какая часть суммарного дохода была в прошлом месяце потрачена домохозяйством на питание.
- Как долго домохозяйство смогло бы жить за счет имеющихся у него сбережений.
- Как за последние три года изменилось материальное положение семьи: улучшилось, ухудшилось или осталось без изменений.
- Каких изменений финансового положения респондент ожидает в ближайшей трехлетней перспективе.

Вопрос о доходах задавался в открытом виде. В его формулировке присутствовала оговорка, о примерной сумме денег, включая зарплаты, пенсии, пособия, стипендии и любые денежные поступления, которую за последний месяц получили все проживающие вместе с респондентом люди. Как видно, здесь не говорится об израсходованных сбережениях, нет упоминаний о деньгах, взятых в долг или о кредитах, которые принимаются в расчет при составлении баланса денежных доходов и расходов населения в макростатистике. Также мы не собирали информацию по каждому виду источников денежных, не денежных поступлений или дохода каждого из членов семьи, а задавали всего один вопрос о совокупных доходах. Как известно из практики эмпирических исследований, в таких случаях размер доходов оказывается ниже по сравнению с результатами подробного анкетирования.

Если респондент затруднялся с ответом, ему предлагалось отметить интервал доходов. Разбивка была очень крупной: до 10 тысяч, 11-30 тысяч, 31-50 тысяч, 51-100 тысяч, более 100 тысяч рублей. За счет округлений примерного размера доходов в открытом вопросе и крупных шагов шкалы во второй его части мы получили некоторые точки накопления на кривой распределения доходов, даже несмотря на попытки интерполировать интервалы верхней, нижней границей интервала или его

серединой. Например, доход ровно в 30 тысяч рублей в месяц указали 10% опрошенных, 40 тысяч получают 12%, а 50 тысяч – доходы 8% домашних хозяйств. Когда мы делим на количество членов семьи, значительная часть указанных сумм превращается в 10 тысяч рублей на человека, и эти домохозяйства становятся неразличимыми. По этой причине в разбиении на децильные группы мы воспользовались приемом добавления небольшого шума, размер которого зависел от типа поселения и региона, в минимальной степени сдвигающего агрегированные показатели. Таким образом, границы между соседними децильными группами следует воспринимать как размытые или нечеткие, когда домашние хозяйства с почти одинаковым доходом попадают в разные, хотя и соседние группы по доходу.

Также при расчете душевого дохода домашнего хозяйства учитывался индивидуальный доход респондента в виде его заработной платы, пенсии и пособий. Часть пропущенных значений показателя заработной платы была восстановлена на основе принадлежности респондента к социально-профессиональным или отраслевым группам, описанным в главе 2. Если доход домохозяйства респондентом был не указан или оказался ниже индивидуального дохода респондента, в качестве совокупного дохода домашнего хозяйства принимался индивидуальный доход респондента. В результате описанной процедуры индивидуальный доход респондента «вменен» в качестве домохозяйственного значительному числу домашних хозяйств, состоящих из двух и более человек (13-16% опрошенных). С высокой вероятностью данная группа незаслуженно может пополнить ряды бедных домашних хозяйств за счет неуказанного дохода других членов семьи, но такова специфика телефонного общения. Описанная ситуация, как будет показано ниже, наиболее характерна для пожилых респондентов, проживающих с детьми и внуками, и попросту не знающих о размерах заработной платы трудоспособных членов семьи. В целом единица анализа – это респондент, который представляет свое домашнее хозяйство. Вопросы анкеты в основном носят индивидуальный личный характер, относятся к самому респонденту. Уровень доходов домашнего хозяйства при анализе результатов опроса не является ключевым показателем, он используется наряду с показателем индивидуального дохода респондента в агрегированном виде.

Апеллируя к показателям монетарной бедности, мы рассчитали сразу два её индикатора – бедность домашнего хозяйства, когда душевой доход домашнего хозяйства не превышает уровня его прожиточного минимума, и бедность самого

респондента, когда его личный индивидуальный доход, состоящий из зарплаты и пенсии, оказывается ниже прожиточного минимума трудоспособного, если респондент не достиг пенсионного возраста, или прожиточного минимума пенсионера, если респонденту-женщине уже исполнилось 55 лет, а респонденту-мужчине – 60 лет. Наряду с этим, низкий уровень материального положения домашнего хозяйства будет исследован в терминах потребительского статуса, доли расходов на еду, наличия достаточных на некоторое время сбережений, оснащенности быта и других индикаторов.

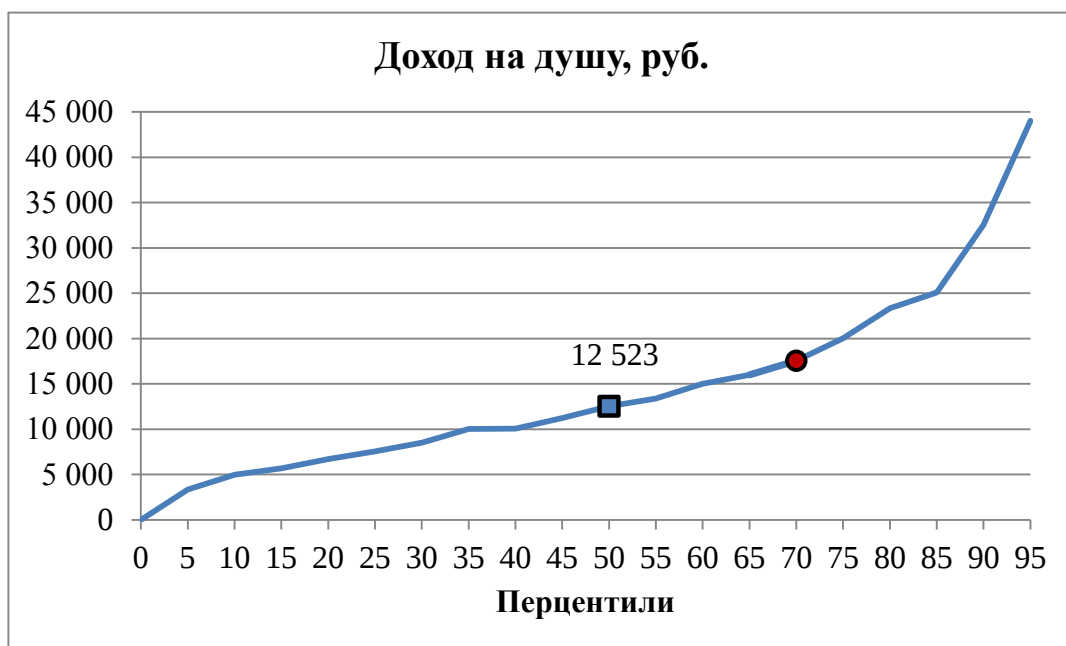

Рисунок 3.2 – Распределение душевых доходов респондентов.

Средний душевой доход по массиву телефонного опроса ЧСО, проведенного в конце 2 квартала 2015 года, составил 17 153 рублей в месяц (отмечен на рисунке 3.2 красным маркером) и соответствует примерно 70-тому перцентилю распределения респондентов по доходам. Для сравнения, по Обследованию бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) за 3 квартал 2014 года аналогичный показатель среднего денежного дохода – 20 167 рублей в месяц. Вместе с тем, в среднем по Российской Федерации за 2014 год денежный доход населения по данным того же ОБДХ составляет 19 663 руб. Медианное значение душевого дохода по выборке ЧСО также отмечено маркером на графике и составляет 12,5 тыс. рублей в месяц на одного члена семьи.

Вторая, третья, четвертая децильные группы отличаются высокой скученностью значений и однородностью доходного распределения. Различия

между минимальным и средним или средним и максимальным значением по децилю здесь очень незначительны (Рисунок 3.3). Максимальный по выборке доход в 900 тыс. рублей в месяц на человека мы не стали приводить на графике в силу масштабирования, но понятно, что в верхней десятой децильной группе наблюдается самый высокий разброс значений.

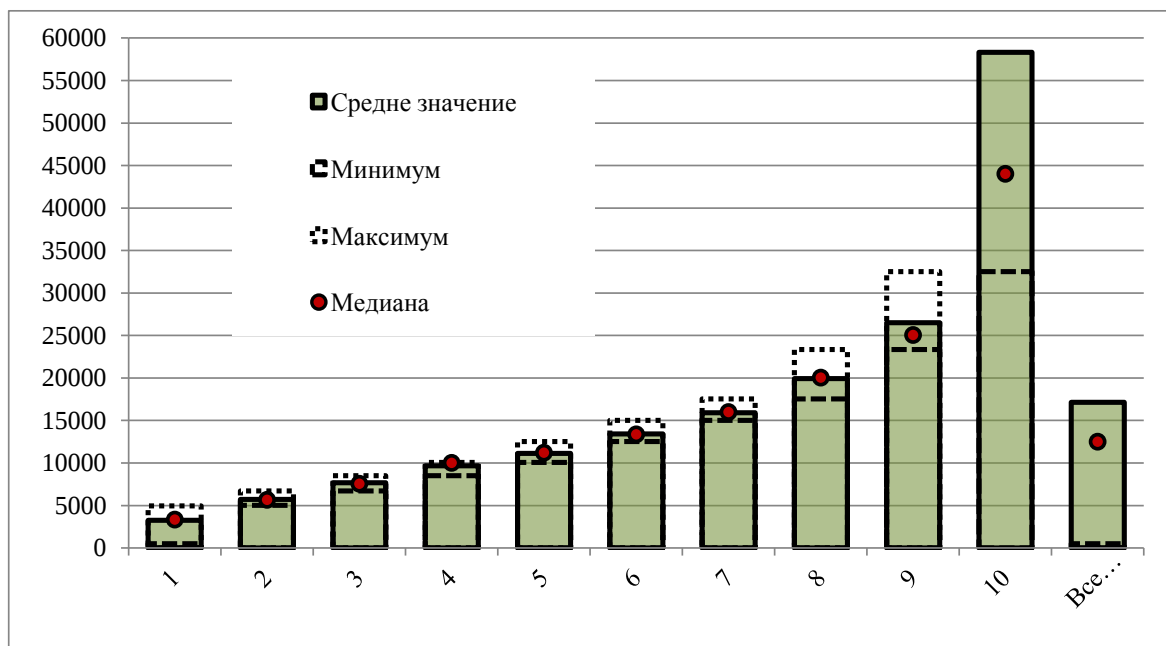

Рисунок 3.3 – Основные характеристики душевых доходов по децильным группам: минимальное, среднее, медианное и максимальное значение, руб. в месяц.

В макростатистике применяется корректировка выборочных данных о доходах населения. Они подтягиваются к средним значениям доходов населения в соответствии с макростатистикой, а кривые распределения, их численные параметры оцениваются на выборочных обследованиях ОБДХ. На рисунке 3.4 представлены распределение доходов населения по интервалам согласно макростатистике и три показателя доходов по обследованию ЧСО-2015тф – когда мы заменяем интервальные значения показателя доходов его нижней, верхней границей интервала или его серединой. В то время как макроряд имеет пик в интервале 15-20 тыс. руб., обследование ЧСО показывает уровень душевого дохода населения 9-12 или 12-15 тыс. руб. в месяц на человека наиболее распространенным. Также значительное число опрошенных попало в группу с минимальными доходами до 5 тыс. руб. в месяц, что свидетельствует о более высоких показателях бедности по нашей выборке.

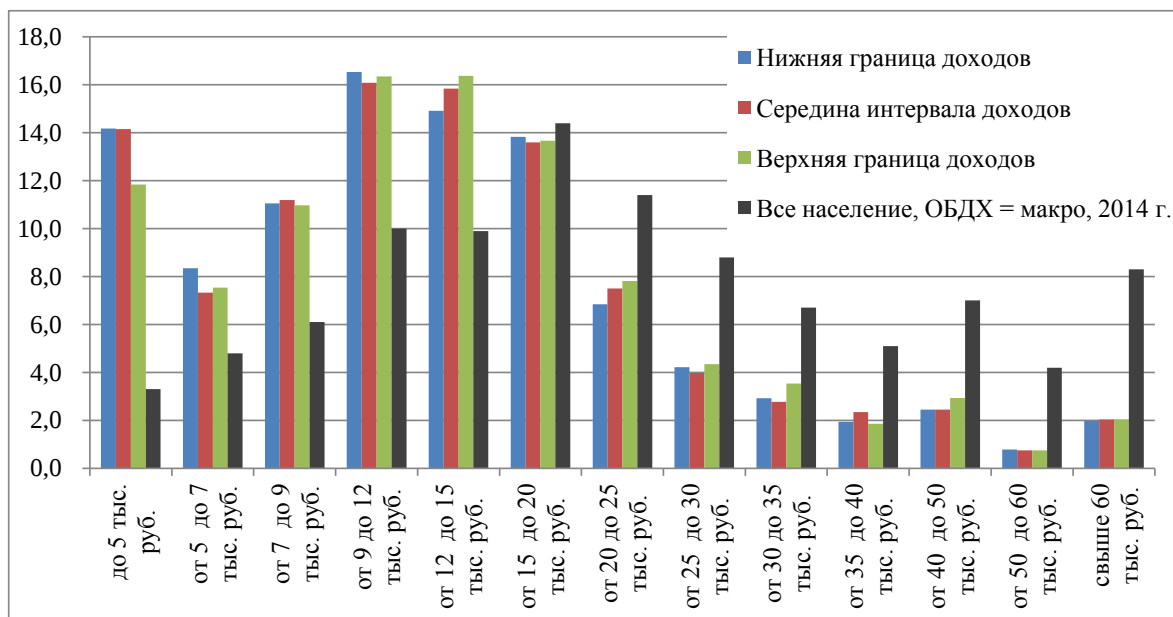

Рисунок 3.4 – Ряды распределения доходов по ЧСО и по макроряду.

Различия оказываются минимальными, когда мы сравниваем между собой два выборочных обследования – ОБДХ и ЧСО (Рисунок 3.5). Конечно, на графике видны пиковые значения, например, сумма 10 тысяч рублей в месяц на человека, и мало значений попадают в интервалы не содержащие «круглых» значений или их производных, полученных путем деления на число членов семьи. Но в целом эти два обследования хорошо корреспондируют друг с другом, и мы можем сделать вывод о достаточно хорошей репрезентации генеральной совокупности рядом распределения доходов респондентов общероссийского телефонного опроса ЧСО. Самые свежие данные ОБДХ, доступные на момент написания данного текста – за четвертый квартал 2014 года, мы также вынесли на график. Однако по наблюдениям прошлых лет мы знаем, что среднегодовое распределение в наибольшей степени близко к распределению доходов в третьем квартале, так как в четвертом квартале обычно происходят пиковые выплаты. Поэтому мы в основном будем сравнивать результаты ЧСО с третьим кварталом 2014 г. В силу того, что разные методы интерполяции интервальных значений доходов не приводят к значительным расхождениям ряда распределения, при дальнейших расчетах децилей и оценках неравенства мы остановимся на замене интервального значения серединой интервала.

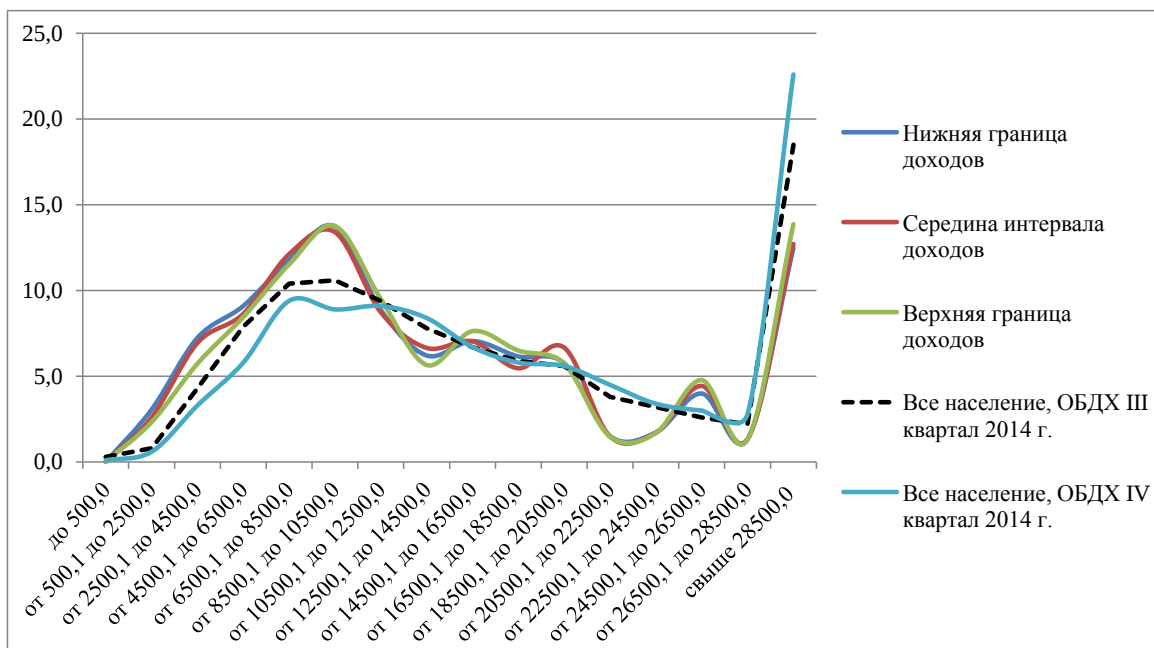

Рисунок 3.5 – Ряды распределения доходов по ЧСО и по обследованию ОБДХ, %.

Насколько высокое доходное неравенство наблюдается по данным обследования ЧСО? Неравенство, измеренное в виде децильного коэффициента, как отношение порогов выхода из первой децильной группы и входа в последнюю, десятую децильную группу, составляет 6,6 раз. Распределение совокупных денежных доходов домашних хозяйств показывает, что объем доходов самого богатого десятого дециля в 8,3 раз превышает объем денежных доходов самого бедного первого дециля (коэффициент фондов) (Рисунок 3.6). Обследование ОБДХ, собирая информацию о доходах всех членов семьи в форме бумажного анкетирования и проводя учет расходов в виде журналов, дает очень похожее распределение с коэффициентом фондов 10 раз. Индивидуальные денежные доходы респондента в большей степени дифференцированы, различия между крайними децильными группами почти достигают 18 раз.

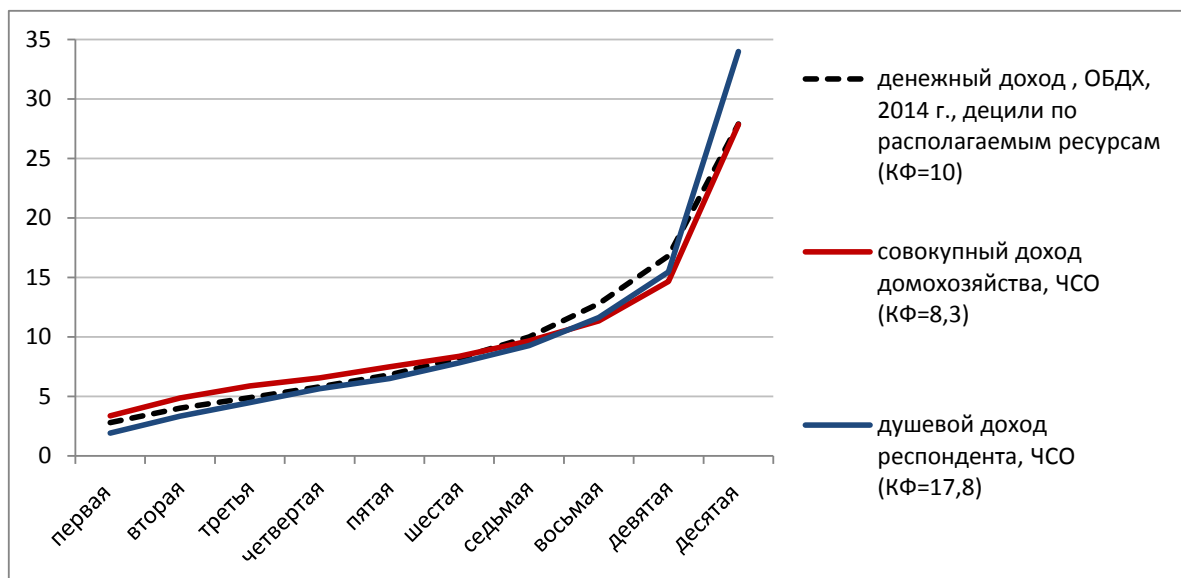

Рисунок 3.6 – Доля денежных доходов децильной группы в объеме всех денежных доходов по ЧСО и по обследованию ОБДХ, %.

Домашние хозяйства, представляющие различные стадии жизненного пути тяготеют к различным точкам распределения по доходам. Так, одиноко проживающие граждане трудоспособного возраста и бездетные пары, в 1,6-3 раза чаще попадают в верхние девятую и десятую децильные группы (Рисунок 3.7). Одиноко проживающие пенсионеры и супружеские пары пенсионеров в большей степени представлены серединой распределения, в пятом и шестом дециле. А многопоколенные домашние хозяйства, в которых респондент проживает с детьми и внуками, с очень высокой вероятностью попадают в нижние 20% распределения по доходам. Обычно в указанных домашних хозяйствах деньги зарабатывает младшее поколение, а пожилой респондент просто не осведомлен о размере их совокупного трудового дохода. Та же ситуация иногда наблюдается в монородительских семьях с работающими детьми трудоспособного возраста. Таким образом, показатель душевого дохода домашнего хозяйства оказывается заниженным, и в данном случае при отнесении домохозяйства к числу бедных более адекватно рассматривать соотношение индивидуального дохода респондента с его прожиточным минимумом.

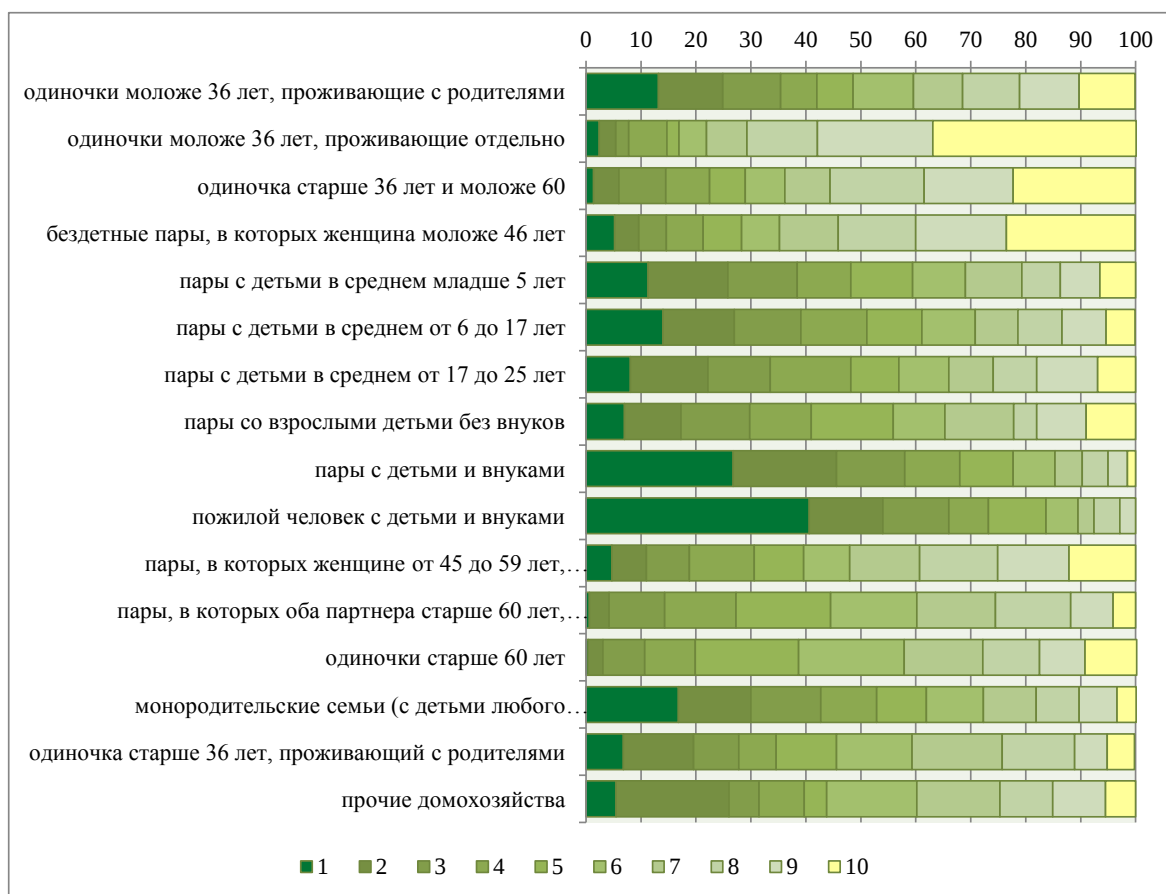

Рисунок 3.7 – Домохозяйства разных типов в разрезе децильных групп по доходу, %

Как отличается доходная обеспеченность людей, чьи доходы связаны с выплатами из Пенсионного фонда? Среди респондентов, которые получают пенсию⁸, чуть менее четверти (24%) относятся к бедным по критерию абсолютной бедности, среднедушевой доход их домохозяйств ниже прожиточного минимума. Среди тех, кто не получает пенсию, таких больше одной трети (37%), то есть по данным телефонного общероссийского опроса бедность пенсионеров в полтора раза ниже (Малева, 2015). Однако в разрезе потребительского статуса наблюдается обратная картина. Затруднения с покупкой одежды и оплатой жилищно-коммунальных услуг возникают у 27% тех, кто получает пенсию, и у 20% не пенсионеров (таблица 3.1). Доля тех, кому денег хватает на еду и одежду, а на более крупные покупки (холодильник, телевизор) не хватает, в двух группах различается меньше – 46% и 42% соответственно. Не пенсионеров больше среди тех, кому денег хватает на товары длительного пользования и отдых, но кому покупка автомобиля

⁸ В эту группу входят как пенсионеры по возрасту, так и досрочные пенсионеры

недоступна (24,5% против 18,5%), и среди тех, кто может позволить себе и автомобиль (9% против 13%). Таким образом, доля бедных по абсолютному критерию среди пенсионеров несколько ниже, чем среди тех, кто не получает пенсию, однако тех, кто может позволить себе крупные покупки (товары длительного пользования, отдых, автомобиль), среди них меньше, чем среди непенсионеров.

Таблица 1.1 – Материальное положение респондентов, которые получают и не получают пенсию, % по столбцу

	Получает пенсию	Не получает пенсию
Затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги	26,9	20,1
Денег хватает на еду и одежду, на более крупные покупки (холодильник, телевизор) не хватает	45,9	41,9
Денег хватает на товары длительного пользования и отдых, но покупка автомобиля недоступна	18,4	24,6
Могли бы купить автомобиль	8,8	13,4
Всего	100	100

Немонетарные оценки материального положения населения в виде потребительского статуса домашнего хозяйства, показывают, что в конце второго квартала 2015 года доля домашних хозяйств, которым денег не хватало даже на еду, составила 2%. 22% опрошенных с имеющимися у них денежными доходами испытывают некоторые затруднения при покупке одежды и оплате ЖКУ (Рисунок 3.8). Таким образом, по сравнению с 2014 годом, представленным данными ОБДХ, наблюдается рост доли домашних хозяйств с низким потребительским статусом, что мы связываем с ростом цен и снижением доходов населения в реальном выражении.

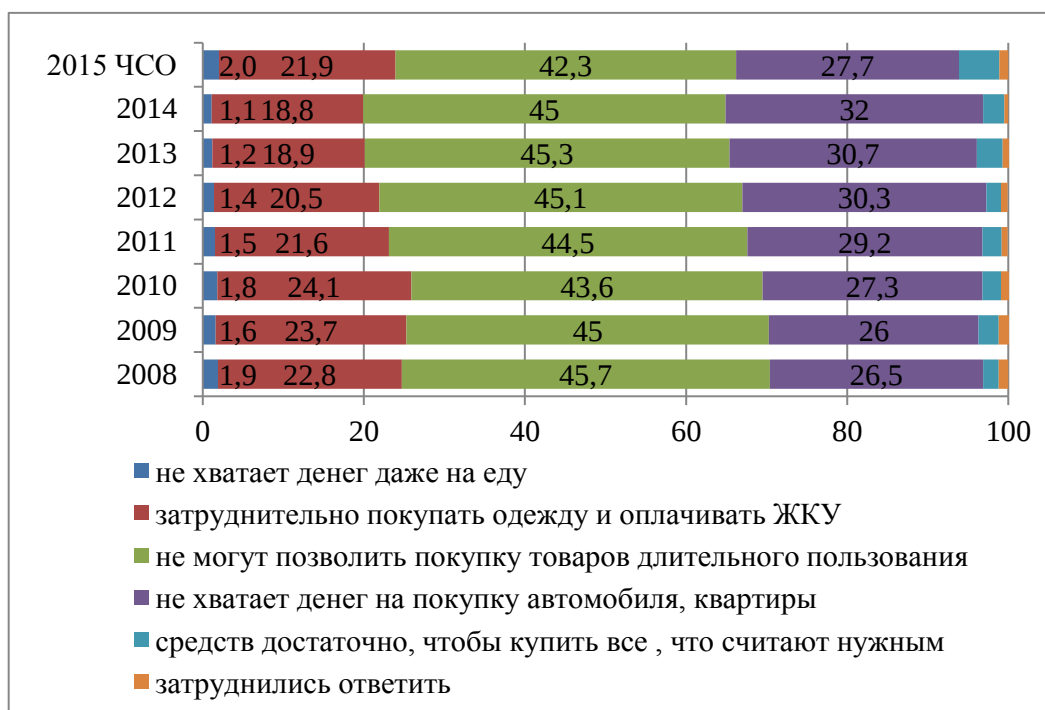

Рисунок 3.8 – Распределение домашних хозяйств согласно самооценке финансового положения, ЧСО за 2015 г. и ОБДХ за 2008-2014 гг., %

Еще одной характеристикой недостаточности доходов служит доля расходов на питание. Обычно домашние хозяйства, половина расходов у которых идет на питание считаются бедными, и когда эта статья расходов превышает 2/3 бюджета семьи, то их относят к категории крайне бедных. В целом 25% респондентов ЧСО-2015тф по указанным критериям могут считаться бедными – по масштабу это похоже на признак низкого потребительского статуса (Таблица 3.2). Доля крайне бедных домашних хозяйств согласно расходам на еду составляет 13%.

Таблица 3.2 – Распространенность признаков низкого материального положения домашних хозяйств, %

Признак низкого материального положения	Доля домашних хозяйств
Больше половины доходов тратят на питание	24,5
Больше 2/3 доходов тратят на питание	13,3
Покупать одежду и оплачивать ЖКУ затруднительно	23,9
Сбережений хватит не более чем на месяц	55,4
Сбережений нет	34,6
Бедность, доходы домохозяйства ниже ПМ	35,4
Индивидуальные доходы респондента ниже ПМ	12,1
Респондент - кормилец или один из основных кормильцев, индивидуальные доходы ниже ПМ	6,5
Одиноко проживающий бедный (по индивидуальным доходам)	1,2

Сбережения домашнего хозяйства – залог экономической устойчивости на случай внешних шоков, например, потери работы или длительного перерыва по болезни. Возможно, часть одиноко проживающих пожилых граждан могли опасаться отвечать по телефону на вопрос о наличии у них сбережений. В результате мы получили значительную долю, 55% семей, у которых нет сбережений, достаточных хотя бы на месяц потребления. В том числе 35% опрошенных вообще не имеют сбережений.

Две характеристики, относящиеся к сбережениям, были учтены в качестве критериев среднего класса в 2013 г. Первая, может ли домашнее хозяйство *делать текущие сбережения* – сберегать, откладывать часть денежного дохода, не фигурирует среди данных телефонного опроса ЧСО-2015. Есть только вторая характеристика – на какое время домохозяйству *хватило бы имеющихся сбережений*. К средним классам по сбережениям в 2013 г. мы относили тех, кто может не только делать текущие сбережения, но и имеет сбережения, достаточные на несколько месяцев потребления. Тогда их было 19,7% (Малева и др., 2015а). Сегодня мы знаем, что сбережения, как финансовая подушка стабильности, есть у 38,7%, однако могут ли они при этом откладывать часть доходов в текущей ситуации не известно.

Аналогичным образом упрощается критерий нижнего класса по сбережениям – у 39% опрошенных либо сбережений нет, либо им хватило бы запасов только на одну неделю потребления. В 2013 г. к этой группе относились те, кто полностью потребляет свой текущий денежный доход, не имея возможности откладывать часть денег, и одновременно у них либо совсем нет сбережений, либо их достаточно для поддержания привычного уровня потребления максимум на две недели.

По стадиям жизненного цикла выделяются одиноко проживающие граждане старше 60 лет и пожилые люди, проживающие с детьми и внуками – большинство из них отметили, что не имеют сбережений (55%) (Таблица 3.3). Одиночка в возрасте от 36 до 59 лет также довольно часто выбирал(а) такой ответ (51%). Есть подозрение, что данный вопрос в телефонном виде сработал хуже, чем в бумажной анкете. Эти же типы домашних хозяйств реже остальных могут быть отнесены к среднему классу по признаку наличия сбережений.

Таблица 3.3 – Распространенность признаков наличия или отсутствия сбережений у домашних хозяйств на разных этапах жизненного пути, % по строке

	Сбережений нет вообще или их хватит не более чем на неделю	Сбережений хватит на несколько месяцев потребления
Одиночки моложе 36 лет, проживающие с родителями	16,4	55,7
Одиночки моложе 36 лет, проживающие отдельно	28,2	46,3
Одиночка старше 36 лет и моложе 60	51,4	30,3
Бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет	32,3	45,7
Пары с детьми в среднем младше 5 лет	37,4	37,5
Пары с детьми в среднем от 6 до 17 лет	41,1	37,6
Пары с детьми в среднем от 17 до 25 лет	40,4	36,1
Пары со взрослыми детьми без внуков	39,2	42,8
Пары с детьми и внуками	48,5	32,9
Пожилой человек с детьми и внуками	55,5	20,7
Пары, в которых женщине от 45 до 59 лет, проживающие без детей (пустые гнезда)	41,0	38,7
Пары, в которых оба партнера старше 60 лет, проживающие без детей	43,9	35,3
Одиночки старше 60 лет	54,4	27,2
Монородительские семьи (с детьми любого возраста, но без внуков)	45,7	32,9
Одиночка старше 36 лет, проживающий с родителями	35,4	42,4
Прочее	37,7	42,1
Все домашние хозяйства	39,2	38,7

Идентификация низкого уровня денежных доходов производилась согласно прожиточному минимуму, с которым сравнивался либо индивидуальный доход самого респондента (зарплата + пенсия + доплаты), либо совокупный доход домашнего хозяйства, рассчитанный на одного члена семьи. В случае индивидуального или домохозяйственного дохода ниже уровня прожиточного минимума респондент был отнесен к нижнему классу по признаку денежного дохода. В 2013 г. таковых было 18,9%. По данным телефонного раунда ЧСО-2015 к нижнему классу по доходам могут быть отнесены 39% опрошенных. Как уже говорилось, когда на вопросы телефонной анкеты отвечал пожилой человек, живущий в большом домашнем хозяйстве, уровень совокупного дохода домашнего хозяйства зачастую очень неточен. Как видно из Таблицы 3.4, почти 70% пар с детьми и внуками и 75% пожилых с детьми и внуками указали доход, ниже уровня прожиточного минимума, что сомнительно. При дальнейшем анализе проблемы средних классов будут применены инструменты, корректирующие данную

проблему. Доход стандарта среднего класса, превышающий среднюю по региону проживания заработную плату за май 2015 г., с высокой вероятностью характерен для супружеских пар трудоспособного возраста без детей, одиночек в возрасте до 36 лет. Примерно 25% простых семейных ячеек с детьми также имеют доход на уровне среднего класса – здесь учитывается высокий индивидуальный доход респондента. Высокий индивидуальный доход, сочетающийся с бедностью всего домашнего хозяйства по доходу в расчете на душу не принимается в качестве признака среднего класса.

Таблица 3.4 – Распространенность признаков низкого и высокого дохода у домашних хозяйств на разных этапах жизненного пути, % по строке

	Индивидуальный доход респондента либо совокупный доход д/х ниже ПМ	Индивидуальный доход р-та не ниже средней по региону заработной платы
Одиночки моложе 36 лет, проживающие с родителями	41,2	13,8
Одиночки моложе 36 лет, проживающие отдельно	15,5	28,9
Одиночка старше 36 лет и моложе 60	21,4	18,4
Бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет	23,9	31,1
Пары с детьми в среднем младше 5 лет	50,5	24,4
Пары с детьми в среднем от 6 до 17 лет	50,6	25,4
Пары с детьми в среднем от 17 до 25 лет	45,2	24,1
Пары со взрослыми детьми без внуков	40,3	21,0
Пары с детьми и внуками	67,8	9,6
Пожилой человек с детьми и внуками	74,8	4,4
Пары, в которых женщине от 45 до 59 лет, проживающие без детей (пустые гнезда)	28,8	21,4
Пары, в которых оба партнера старше 60 лет, проживающие без детей	17,9	10,2
Одиночки старше 60 лет	11,8	8,3
Монородительские семьи (с детьми любого возраста, но без внуков)	53,7	16,5
Одиночка старше 36 лет, проживающий с родителями	37,6	16,7
Прочее	46,2	22,5
Все домашние хозяйства	39,0	19,8

Потребительский статус домашнего хозяйства объединяет в себе два показателя – долю расходов на питание в суммарном доходе домашнего хозяйства за прошлый месяц, и собственно сам потребительский статус домашнего хозяйства в виде градации того, на что ему обычно хватает денег. В бумажном опросе 2013 г.

специфицировался временной интервал в виде последних 12 месяцев, а в телефонном виде вопрос звучал без данного уточнения. Потребительский статус низшего класса характеризуется следующим финансовым положением домашнего хозяйства:

- На питание тратят 2/3 дохода ИЛИ
- Денег хватает только на еду ИЛИ
- На питание тратят ½ дохода И на еду и оплату жилищно-коммунальных услуг денег хватает, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения.

К низшему классу по потреблению в 2013 г. относилось 13,3% опрошенных. По результатам телефонного опроса ЧСО-2015 описанный выше низкий потребительский статус характерен для 18,2% домашних хозяйств. Высокий потребительский статус – могли бы при необходимости приобрести автомобиль – отметили 11,4% респондентов в 2015 г., тогда как в 2013 г. таковых было 7%.

Таблица 3.5 – Распространенность признаков низкого и высокого потребительского статуса у домашних хозяйств на разных этапах жизненного пути, % по строке

	Высокая доля расходов на питание или низкий потребительский статус	Доходов хватает на покупку автомобиля
Одиночки моложе 36 лет, проживающие с родителями	8,6	19,6
Одиночки моложе 36 лет, проживающие отдельно	7,2	14,1
Одиночка старше 36 лет и моложе 60	22,5	9,9
Бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет	8,9	16,8
Пары с детьми в среднем младше 5 лет	13,7	14,3
Пары с детьми в среднем от 6 до 17 лет	19,0	11,1
Пары с детьми в среднем от 17 до 25 лет	14,8	12,1
Пары со взрослыми детьми без внуков	20,1	12,2
Пары с детьми и внуками	26,9	9,7
Пожилой человек с детьми и внуками	21,6	10,2
Пары, в которых женщине от 45 до 59 лет, проживающие без детей (пустые гнезда)	18,0	11,0
Пары, в которых оба партнера старше 60 лет, проживающие без детей	25,7	6,3
Одиночки старше 60 лет	29,2	5,4
Монородительские семьи (с детьми любого возраста, но без внуков)	26,6	3,8
Одиночка старше 36 лет, проживающий с родителями	20,7	9,4
Прочее	25,7	8,9
Все домашние хозяйства	18,2	11,4

Высокий потребительский статус характерен домашним хозяйствам с низкой демографической нагрузкой – одиночкам в возрасте до 36 лет, проживающим с родителями, и супружеским парам, в которых женщина моложе 46 лет (Таблица 3.5). Потребительский статус низшего класса чаще встречается среди одиночек и супружеских пар старше 60 лет, а также в многопоколенных семьях.

Насколько данная ситуация стабильна в смысле произошедших за последние три года изменений материального положения домашних хозяйств? Изменение материального положения своей семьи за последние три года фиксирует примерно половина опрошенных. При этом положительные и отрицательные изменения происходили с респондентами в равной степени.

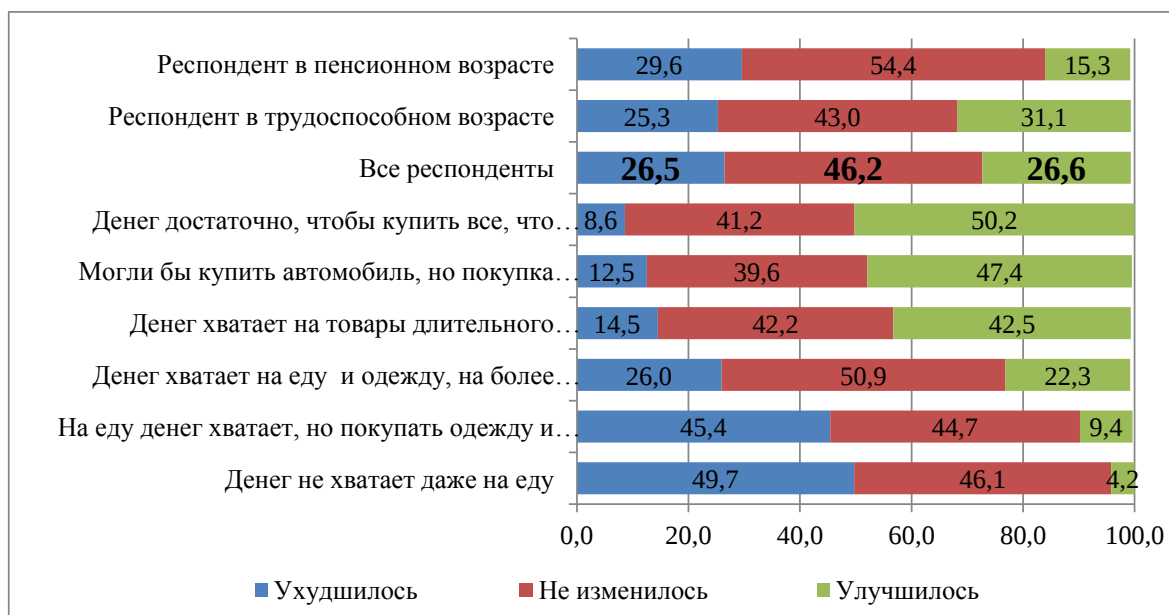

Рисунок 3.9 – Потребительский статус домашнего хозяйства и изменение его материального положения за последние три года, %

В разрезе текущего финансового статуса домашнего хозяйства водораздел проходит по маркеру доступности приобретения крупной бытовой техники (Рисунок 3.10). Те, кто сегодня может себе позволить крупные покупки, улучшение материального положения констатируют чаще, чем ухудшение. А домашние хозяйства, которым крупные покупки сегодня не по карману, чаще говорят об ухудшении материального положения своей семьи за последние три года. Респонденты пенсионного возраста в два раза чаще говорят об ухудшении материального положения, чем об улучшении. Напротив, положительные изменения

преобладают среди трудоспособных возрастов, за счет чего в среднем по всем опрошенным улучшения и ухудшения уравниваются.

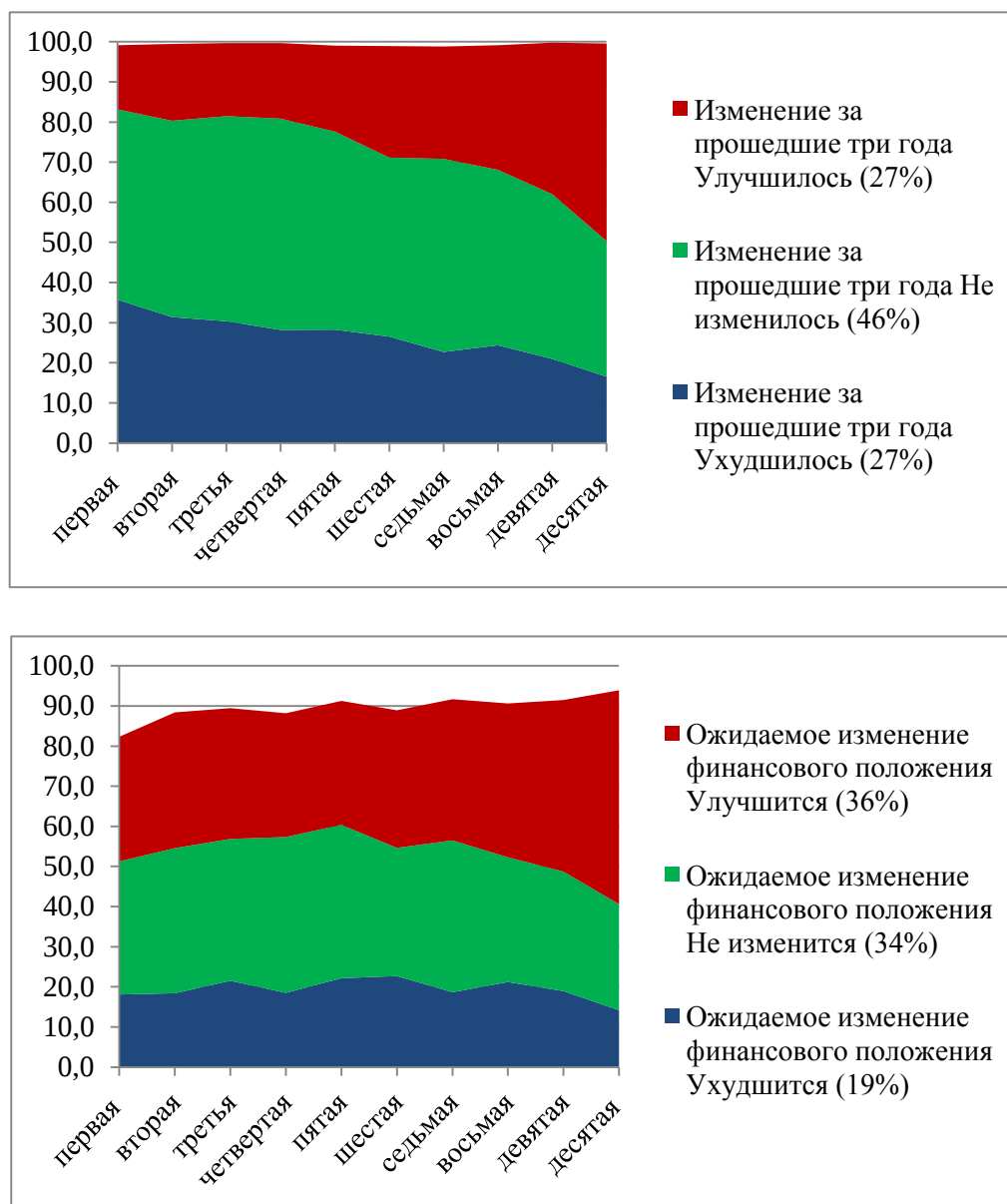

Рисунок 3.10 – Произошедшие и ожидаемые изменения материального положения домашних хозяйств из разных децильных групп, %

Взгляд с точки зрения децильных групп по доходу подтверждает, что снижение уровня материального положения в большей степени коснулось тех домашних хозяйств, которые относятся к нижним доходным группам (Рисунок 3.10). Улучшили свое материальное положение верхние децили по доходу, однако мы не знаем, насколько существенным было это улучшение / ухудшение и сильно ли оно повлияло на положение домашнего хозяйства на доходной шкале, в том смысле,

были ли богатые домашние хозяйства богатыми три года назад или же поднялись относительно недавно. В ожиданиях будущих изменений своего финансового положения ситуация другая, независимо от уровня текущего дохода, 15-20% респондентов из каждой децильной группы ожидают ухудшения. На положительные изменения в большей степени рассчитывают обеспеченные слои населения, от 40 до 55% восьмой – десятой децильных групп, тогда как среди остальных только 30-35% респондентов смотрят в будущее с оптимизмом. Изменения материальной обеспеченности могут быть обусловлены как демографическими событиями, изменением состава семьи, началом трудовой деятельности или выходом на пенсию кого-то из её членов, так и внешними по отношению к домашнему хозяйству факторами, в числе которых изменения на рынке труда или высокая инфляция.

4 Субъективные оценки положения населения

4.1 Шкалы благосостояния, власти и уважения

Субъективная оценка положения на социальной лестнице традиционно выступает одним из ключевых критериев измерения стратификационного состава общества. Как правило, респонденты склонны выбирать средние значения. Респонденты опираются на картину своего социального окружения, что мешает им выстроить достоверное представление о социальной структуре всего общества. Помимо этого, опрашиваемому легче исходить из оценки своего потребительского статуса (какое имущество он в состоянии приобрести), чем из оценки благосостояния как такового (Clement, Myles, 1994). Рассмотрим оценки положения респондента на трех самоидентификационных шкалах (каждая состоит из десяти ступеней) – благосостояния, власти и уважения – и сравним распределения ответов по массивам 2013 и 2015 годов.

Ответы 2013 года хорошо согласованы между собой (Альфа Кронбаха равен 0,803), только по шкале уважения все респонденты давали в среднем более высокие оценки (Таблица 4.1). Ответы 2015 года согласованы гораздо хуже – Альфа Кронбаха составила всего 0,387. Значительным образом выбивается из тройки «шкала власти».

Таблица 4.1 – Распределение ответов на вопрос об оценке своего положения на самоидентификационной шкале, 2013 и 2015 гг., %

	шкала благосостояния		шкала власти		шкала уважения	
	2013	2015	2013	2015	2013	2015
На 1 ступени (низшие)	2,8	9,3	5,3	18,6	0,7	3,9
На 2	6,5	9,3	7,9	10,8	1,9	2,9
На 3	14,4	20,2	13,4	19,0	5,3	6,2
На 4	20,4	23,2	16,4	18,2	10,7	11,7
На 5	23,9	25,0	23,7	19,1	23,5	27,9
На 6	16,6	7,1	16,3	4,9	20,0	12,3
На 7	11,3	3,4	10,6	2,9	20,4	15,3
На 8	2,5	0,6	3,8	0,8	10,9	8,3
На 9 ступени (высшие)	0,2	0,5	0,4	1,0	3,5	7,2
Затруднились ответить	1,5	1,4	2,3	4,7	3,1	4,4

По сравнению с 2013 годом все оценки сместились вниз, но особенно сильно это коснулось «шкалы власти». Если по шкалам благосостояния и уважения срединные оценки (значение «5») традиционно набирают наибольшую поддержку,

то по шкале власти 2015 года оценки равномерно распределены по нижним значениям, 1 и 3-5. Фактически 10-балльные шкалы в представлении респондентов превратились в 5-балльные. То же можно сказать и про шкалу благосостояния – почти 70% в 2015 году выбрало «нижнюю середину», значения от 3 до 5. Значения выше 6-ки остались невостребованными.

Самоидентификационные шкалы достаточно трудны для однозначной интерпретации в силу многозначности трактовки самого вопроса. Например, респонденты могут оценивать наличие у себя власти в разном масштабе – на уровне семьи, в своем социальном окружении (на работе), либо на уровне общества в целом. Последнее включает в себя широкий спектр социальных отношений – с государственными службами (чиновники на местах, работники ГИБДД и так далее), с бизнесом (ситуации с защитой прав потребителей и так далее), с высшей властью (право выбирать её). Чем больше респондент вовлечен в общественно-политические отношения, чем напряжённее для него климат в обществе, тем чаще он будет склонен оценивать свое положение по шкале власти именно в контексте общества в целом и общественных институтов. Шкала уважения в большей степени относится к микроуровню, ближнему социальному окружению респондента. Хотя и здесь может сказываться влияние макроуровня, например, среди пожилых людей, которые чувствуют, что «молодежь нас не уважает». Тот факт, что оценки по шкале уважения изменились наименьшим образом, свидетельствует в пользу трактовки шкалы власти на макро-уровне. Благосостояние, как правило, оценивается в среднем масштабе – по сравнению с широким социальным окружением, в том числе это могут быть выше и нижестоящие коллеги, знакомые знакомых, соседи, бывшие однокурсники и так далее.

Ухудшение субъективных оценок по шкале власти можно было бы расценивать как рост социальной напряженности в обществе. Однако смена методологии исследования (переход с ненадежной бумажной технологии к телефонным интервью) не позволяет нам полностью доверять наблюдаемой разнице между оценками 2013 и 2015 годов. Рассмотрим более подробно оценки по шкале власти 2015 года в социально-демографическом разрезе. Выбор респондентами низшей ступени, «самые бесправные», представляется наиболее интересным для анализа, поэтому на нем мы сосредоточим свое внимание. Этот выбор отражает

восприятие респондентом самого себя как уязвимого и беспомощного в социальном отношении актора.

Из таблицы 4.2 видно, что к первой ступени – «самым бесправным» – значимо чаще относили себя респонденты пенсионных возрастов, нежели трудоспособных (27,3% против 15,2%). Возраст – основной дифференцирующий фактор, он же лежит в основе различий в ответах по типу населенного пункта (самыми бесправными чаще называют себя жители сельской местности, они же в среднем старше) и уровню образования (такую оценку чаще дают не имеющие высшего образования, доля которых выше среди пожилых). Гендерных различий в ответах не наблюдается.

Таблица 4.2 – Распределение ответов на вопрос об оценке положения по шкале власти в разрезе возраста, уровня образования и типа населенного пункта, 2015 г., % по столбцу

	Возраст респондента		Тип населенного пункта				Уровень образования	
	трудоспособный	пенсионный	Москва, Санкт-Петербург	центры регионов	остальные города, включая ПГТ	Сельская местность	нет высшего	высшее, неоконченное высшее
На 1 ступени (самые бесправные)	15,2	27,3	15,3	16,2	19,1	22,5	22,6	12,1
На 2	10,2	12,5	10,7	9,8	11,5	11,0	11,7	9,5
На 3	19,3	18,2	18,8	20,2	19,6	16,3	18,7	19,5
На 4	19,2	15,7	18,5	19,7	17,8	16,7	16,3	21,4
На 5	21,3	13,6	21,4	19,8	18,3	18,9	16,8	23,0
На 6	5,7	2,8	6,4	4,8	5,0	3,8	3,7	6,8
На 7	3,3	1,7	3,2	3,4	2,7	2,2	2,3	3,8
На 8	0,7	1,0	0,4	0,7	0,9	1,0	0,9	0,6
На 9 ступени (имеющие самую большую власть)	1,1	0,6	1,5	0,9	0,6	1,6	1,2	0,7
Затрудились ответить	4,0	6,6	3,7	4,5	4,5	6,0	6,0	2,7
Примечание – ответ на вопрос: «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на низшей ступени которой стоят самые бесправные, а на высшей – имеющие самую большую власть. На какой ступени стоите Вы?»								

Среди респондентов трудоспособных возрастов различия в оценках по шкале власти в разрезе типа населенного пункта выражены слабее, чем в среднем (таблица 4.3). Они наблюдаются только при сопоставлении оценок жителей сельской местности и жителей двух столиц. Среди респондентов пенсионного возраста

значимых различий по типу населенного пункта нет вовсе. Вне зависимости от места проживания около 27% пенсионеров выбирают вариант ответа «самые бесправные». Различия по уровню образования сохраняются и внутри каждой из возрастных групп. Только 10% трудоспособных с высшим образованием относят себя к самым бесправным, среди лиц, не имеющих такового – почти 20%. Среди респондентов пенсионного возраста эти оценки составляют 20% и 30% соответственно.

Таблица 4.3 – Распределение ответов на вопрос об оценке положения по шкале власти трудоспособных и пенсионеров в разрезе типа населенного пункта и образования, 2015 г., % по столбцу

	Тип населенного пункта				Уровень образования	
	Москва, Санкт-Петербург	центры регионов	остальные города, включая ПГТ	сельская местность	нет высшего	высшее, неоконченное высшее
	<i>респондент в трудоспособном возрасте</i>					
На 1 ступени (самые бесправные)	11,7	13,0	15,5	19,6	18,8	9,7
На 2 ступени	9,3	9,5	10,7	10,6	11,1	8,8
На 3 ступени	19,4	20,0	20,1	16,6	19,3	19,2
На 4 ступени	20,0	20,3	18,8	17,8	17,4	21,8
На 5 ступени	23,4	22,5	20,2	20,7	19,0	24,8
На 6 ступени	7,4	5,7	5,9	4,2	4,4	7,5
На 7 ступени	3,5	4,0	3,2	2,5	2,6	4,4
На 8 ступени	0,4	0,7	0,7	0,9	0,9	0,5
На 9 ступени (имеющие самую большую власть)	1,6	1,0	0,7	2,0	1,4	0,7
Затрудняюсь ответить	3,4	3,3	4,2	5,1	5,0	2,5
	<i>респондент в пенсионном возрасте</i>					
На 1 ступени (самые бесправные)	25,5	25,9	27,9	28,6	31,1	19,6
На 2 ступени	14,9	10,8	13,3	11,9	12,8	11,7
На 3 ступени	17,4	20,7	18,3	15,7	17,1	20,4
На 4 ступени	14,3	17,9	15,5	14,3	13,7	19,8
На 5 ступени	15,7	11,5	13,6	14,9	11,8	17,4
На 6 ступени	3,8	2,1	3,0	3,1	2,1	4,4
На 7 ступени	2,4	1,7	1,5	1,7	1,5	2,0
На 8 ступени	0,3	0,7	1,1	1,3	1,1	0,8
На 9 ступени (имеющие самую большую власть)	1,2	0,6	0,4	0,6	0,6	0,6
Затрудняюсь ответить	4,7	8,0	5,4	8,0	8,3	3,3

Оценки положения респондента по шкале власти слабо дифференцированы в зависимости от его ответа на вопрос о том, есть ли в России экономический кризис. Это означает, что ощущение респондентом собственного бесправия мы не можем наверняка связать с ухудшением благосостояния и социального климата в течение

последнего года. С другой стороны, ответы на вопрос о положении по шкале власти тесно связаны с ожиданиями в отношении финансового положения (таблица 4.4). Около 30% трудоспособных респондентов, негативно оценивающих свои финансовые перспективы, склонны считать себя самыми бесправными. Такая оценка совпадает с самоощущением респондентов пенсионных возрастов. Связь этих двух переменных даже теснее, чем связь переменной «шкала власти» и «оценка динамики материального положения за последние 3 года». Среди тех трудоспособных, кто отметил ухудшение своего материального положения в течение последних 3 лет, низшую ступень по шкале власти выбрали 22%.

Таблица 4.4 – Распределение ответов на вопрос об оценке положения по шкале власти трудоспособных и пенсионеров в разрезе ожиданий в отношении финансового положения, 2015 г., %

	Улучшится	Ухудшится	Останется без изменений	Затрудняюсь ответить
<i>респондент в трудоспособном возрасте</i>				
На 1 ступени (самые бесправные)	8,5	30,1	17,0	19,3
На 2 ступени	8,4	14,6	10,7	10,7
На 3 ступени	18,0	20,7	21,1	17,5
На 4 ступени	21,1	14,9	18,7	18,0
На 5 ступени	25,8	11,2	20,0	19,2
На 6 ступени	7,8	3,1	4,9	1,8
На 7 ступени	4,7	1,4	2,7	1,8
На 8 ступени	0,9	0,4	0,7	0,6
На 9 ступени (имеющие самую большую власть)	1,5	0,4	0,9	1,3
Затрудняюсь ответить	3,3	3,2	3,3	9,8
<i>респондент в пенсионном возрасте</i>				
На 1 ступени (самые бесправные)	17,5	32,3	24,8	34,2
На 2 ступени	7,1	14,7	13,7	7,6
На 3 ступени	19,3	18,1	19,2	13,2
На 4 ступени	17,0	16,1	16,6	9,3
На 5 ступени	21,0	11,2	13,9	10,6
На 6 ступени	5,6	1,1	3,8	1,0
На 7 ступени	2,7	1,8	1,1	1,8
На 8 ступени	1,1	1,2	0,7	1,6
На 9 ступени (имеющие самую большую власть)	1,7	0,3	0,4	0,6
Затрудняюсь ответить	6,9	3,1	5,9	20,2
Примечание – ответы на вопрос: «Как вы полагаете, в ближайшие 5 лет Ваше финансовое положение улучшится, ухудшится или останется без изменений?»				

Таким образом, оценки по субъективным самоидентификационным шкалам 2015 года представляются нам сигналом о плохом социальном самочувствии

населения России. Оно таково, что каждый десятый трудоспособный с высшим образованием – другими словами, человек с максимальным социальным потенциалом – выбирает низшую позицию по шкале власти, относя себя к «самым бесправным».

Вместе с тем, нельзя не отметить значительное рассогласование оценок респондентов при ответе на вопросы разного уровня. Бесправие и низкие позиции по шкале благосостояния соседствуют с позитивными ожиданиями в отношении финансового положения. Согласие с тем, что в России идет экономический кризис, который в ближайший год приведет к росту безработицы и сокращению штатов, отнюдь не приводит к опасениям за собственное место на рынке труда. Одна из причин рассогласования оценок это разные горизонты планирования, задаваемые вопросами. Самый короткий из них – один год – респонденты признают экономически напряженным. В среднем горизонте – пять лет – их ожидания снова позитивны. Однако в непрерывном состоянии – самоидентификационные шкалы – субъективные оценки наиболее низки.

К сожалению, анкета не содержала развернутых вопросов об оценке респондентом социального и политического климата в стране. Поэтому мы не можем сказать, является ли такое ухудшение субъективных оценок отражением ослабления позиции населения в диалоге с властью, или же оценки 2013 года были недостоверно завышенными, и такое положение вещей существует гораздо дольше. В пользу последнего вывода свидетельствуют описанные выше представления респондентов, согласно которым текущий экономический кризис их лично не затронет. Негативные же ожидания характерны преимущественно для пенсионеров, отражая в большей степени этап их индивидуального жизненного пути, нежели пути общества.

С методологической точки зрения полученные результаты требуют дополнительного осмысления для того, чтобы принять решение о способе использования самоидентификационных шкал в качестве одного из критериев стратификационной шкалы общества.

4.2 Восприятие кризиса и перспектив

Анкета обследования «Человек, семья, общество» 2015 года содержала пару простых вопросов об оценке респондентом хода экономического кризиса в России. На вопрос о том, есть ли сейчас в России экономический кризис, положительно ответили 72% респондентов. Оценку выше средней дали лица с высшим образованием, а также проживающие в Москве или Санкт-Петербурге (Таблица 4.5).

Таблица 4.5 – Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, сейчас в России есть экономический кризис или экономического кризиса нет?», 2015 г., % по строке

		Кризис есть	Кризиса нет	Затрудняюсь ответить
Возраст	трудоспособный	71,6	23,1	5,3
	пенсионный	72,4	20,0	7,6
Уровень образования	нет высшего	69,3	24,1	6,6
	высшее, неоконченное высшее	76,0	19,3	4,8
Тип населенного пункта	Москва, Санкт-Петербург	76,1	18,3	5,6
	Центры регионов	73,8	21,2	4,9
	Остальные города, включая ПГТ	70,6	23,5	6,0
	Сельская местность	69,5	23,3	7,2

Вместе с тем, признание положения российской экономики кризисным слабо влияет на ожидания населения в отношении собственного финансового благополучия. Последние традиционно сильнее всего коррелируют с возрастом респондента, с этапом его жизненного пути. Среди тех, кто говорит о том, что кризис есть, доля лиц с негативными ожиданиями лишь немного выше, чем среди тех, кто говорит об отсутствии кризиса (Таблица 4.6). Так, менее 15% респондентов трудоспособного возраста без высшего образования ожидают ухудшения своего финансового положения в течение ближайших 5 лет. Треть полагает, что это положение не изменится. И более 40% уверены, что оно улучшится. Среди трудоспособных респондентов с высшим образованием доля пессимистов на том же уровне, а если они не признают наличие кризиса – то еще ниже, чем среди трудоспособных без высшего образования. Соотношение позитивных и нейтральных ожиданий среди высокообразованных еще более оптимистичное.

Среди лиц пенсионного возраста различия в оценках между признающими и не признающими кризис выше, особенно – в группе высокообразованных. Здесь сказывается структурный эффект, так как распространение высшего образования в

старших возрастах гораздо ниже, и его обладатели сильнее отстоят по своим социальным характеристикам от не имеющих высшего образования. Высокообразованные пенсионеры наиболее пессимистичны – уже половина из них ожидает ухудшения своего финансового положения в течение ближайших 5 лет. Вероятно, влияние возраста здесь сказывается двояко – как перспективное (низкие шансы на новые источники дохода в старших возрастах) и как ретроспективное (жизненный опыт).

Таблица 4.6 – Оценка перспектив своего финансового положения в зависимости от факта признания наличия кризиса в России, в разрезе возраста и уровня образования, 2015 г., % по строке

		Как вы считаете, сейчас в России есть экономический кризис или экономического кризиса нет?		
		Кризис есть	Кризиса нет	Затрудняюсь ответить
в трудоспособном возрасте, без в/о	улучшится	40,8	46,8	32,4
	ухудшится	14,4	11,6	13,7
	останется без изменений	32,9	31,1	28,6
	затрудняюсь ответить	11,9	10,6	25,3
в пенсионном возрасте, без в/о	улучшится	14,3	20,2	14,7
	ухудшится	31,0	24,2	21,0
	останется без изменений	43,6	45,6	40,1
	затрудняюсь ответить	11,1	10,0	24,1
в трудоспособном возрасте, с в/о	улучшится	48,7	55,5	50,7
	ухудшится	14,9	8,8	13,9
	останется без изменений	28,9	29,1	26,9
	затрудняюсь ответить	7,5	6,6	8,5
в пенсионном возрасте, с в/о	улучшится	8,2	23,4	10,2
	ухудшится	50,1	25,3	34,6
	останется без изменений	34,3	43,8	33,5
	затрудняюсь ответить	7,4	7,5	21,7

В анкете присутствовал вопрос о том, какие сложности, по мнению респондента, ждут Россию в следующем году. Среди предложенных вариантов был ответ «продолжится рост цен». Доля отметивших это утверждение составила от 64% до 72,5% в зависимости от возраста и уровня образования – среди тех, кто говорит о существовании кризиса. И от 50,5% до 55% среди тех, кто говорит, что кризиса в России нет (Таблица 4.7). Примерно треть всех респондентов ожидает одновременно

и улучшения своего финансового положения в течение ближайших 5 лет, и роста цен в предстоящем году.

Таблица 4.7 – Доля выбравших утверждение «продолжится рост цен» в зависимости от факта признания кризиса, 2015 г., % от выборки

	Как вы считаете, сейчас в России есть экономический кризис или экономического кризиса нет?	
	Кризис есть	Кризиса нет
в трудоспособном возрасте, без в/о	63,7	50,5
в пенсионном возрасте, без в/о	67,2	52,8
в трудоспособном возрасте, с в/о	70,6	52,6
в пенсионном возрасте, с в/о	72,5	54,6

Помимо вопроса о финансовых ожиданиях, в анкете есть вопрос об ожиданиях в отношении карьеры. Как и в предыдущем случае, мы склонны связывать их характер не столько с отношением респондента к текущей экономической ситуации, сколько с его возрастом. Лишь незначительное число трудоспособных респондентов ожидает ухудшения своей карьеры в течение ближайших 5 лет – вне зависимости от наличия высшего образования и факта признания экономического кризиса – таковых около 5% (Таблица 4.8).

Таблица 4.8 – Оценка перспектив своей карьеры в зависимости от факта признания наличия кризиса в России, в разрезе возраста и уровня образования, 2015 г., % по строке

		Как вы считаете, сейчас в России есть экономический кризис или экономического кризиса нет?		
		Кризис есть	Кризиса нет	Затрудняюсь ответить
в трудоспособном возрасте, без в/о	улучшится	36,4	40,5	27,5
	ухудшится	7,5	6,1	3,7
	останется без изменений	45,9	44,6	43,7
	затрудняюсь ответить	10,3	8,8	25,1
в пенсионном возрасте, без в/о	улучшится	7,6	4,7	9,4
	ухудшится	16,8	9,4	18,5
	останется без изменений	63,5	77,3	50,6
	затрудняюсь ответить	12,2	8,6	21,6
в трудоспособном возрасте, с в/о	улучшится	43,6	50,7	51,0
	ухудшится	5,3	3,9	3,1
	останется без изменений	43,8	39,9	32,7
	затрудняюсь ответить	7,3	5,5	13,2

в пенсионном возрасте, с в/о	улучшится	4,7	8,6	3,1
	ухудшится	23,4	15,5	24,0
	останется без изменений	61,4	62,3	46,3
	затрудняюсь ответить	10,6	13,6	26,7
Примечание – распределение ответов на вопрос «Как вы полагаете, в ближайшие 5 лет ваша карьера улучшится, ухудшится или останется без изменений?»				

Почти 40% респондентов ответило, что в ближайшем году Россию ждут такие сложности, как рост уровня безработицы и сокращения на предприятиях. Вместе с тем, большинство респондентов уверены в том, что их лично это не коснется. Только около 15% относят данные риски к себе (таблица 4.9). И даже среди тех, у кого на работе уже происходили сокращения штата, ожидают возможного увольнения только 23%.

Таблица 4.9 – Распределение ответов на вопрос о возможности быть уволенным среди респондентов, % по строке

		Скорее да, могут уволить	Скорее нет, не могут уволить	Затрудняюсь ответить
в трудоспособном возрасте, без в/о	да, увеличится уровень безработицы	15,3	74,3	10,4
	да, будут происходить сокращения на предприятиях	14,8	73,9	11,3
в пенсионном возрасте, без в/о	да, увеличится уровень безработицы	16,9	69,2	13,9
	да, будут происходить сокращения на предприятиях	20,8	65,8	13,4
в трудоспособном возрасте, с в/о	да, увеличится уровень безработицы	14,0	79,8	6,3
	да, будут происходить сокращения на предприятиях	14,3	79,4	6,3
в пенсионном возрасте, с в/о	да, увеличится уровень безработицы	14,6	71,8	13,6
	да, будут происходить сокращения на предприятиях	15,5	70,1	14,3

Если напрямую сравнивать динамику ожиданий между 2013 и 2015 годами, то она неоднозначна. Во-первых, в 2013 году отсутствовали записи о затруднившихся ответить. С 10% до 20% поднялась доля ожидающих ухудшения финансового положения. Ожидания в отношении карьеры остались практически неизменными. Перспективы жилищных условий стали оцениваться респондентами

даже более позитивно (Таблица 4.10). В целом, пока можно сказать, что кризис в представлениях респондентов существует – но за порогом их собственного дома.

Таблица 4.10 – Ожидания на ближайшие 5 лет, 2013 и 2015 гг., % по столбцу

	фин. положение		работа, карьера		жилищные условия	
	2013	2015	2013	2015	2013	2015
улучшение	34,7	36,4	33,1	35,5	24,6	30,3
без изменений	55,0	33,8	61,5	47,0	72,2	62,1
ухудшение	10,2	19,4	5,5	7,8	3,2	3,9
з/о	-	10,5	-	9,6	-	3,7

Заключение

В предшествовавший период устойчивого экономического роста доходы населения выросли, создав тем самым определенный запас прочности положения домохозяйств. Тем не менее, социальная структура общества оказалась законсервированной на уровне пятнадцатилетней давности. Сейчас, когда макрофакторы работают в сторону повышения экономической нестабильности риски нисходящей социальной мобильности возрастают для всех слоев населения. Сбережения, имущество, жилье и другие признаки материального благополучия росли в годы экономического благополучия менее интенсивно, чем доходы. Менялся стандарт текущего потребления, а вместе с ним и расходы домашних хозяйств. Кроме того, устойчивому расширению верхних слоев социальной пирамиды препятствовала структура рынка труда, недостаточное количество рабочих мест для «средних классов».

Данные 2015 года показали, что масштаб профессионального среднего класса оказался больше, а низшего – меньше. Вместе с тем структура социально-профессиональных классов изменилась не сильно. Анализ уровня благосостояния демонстрирует разнонаправленные тенденции. Вырос слой домохозяйств, чей потребительский статус относится к низшему уровню. Это может быть связано с ростом цен на все группы товаров и услуг. Распределение в разрезе децильных групп по доходу подтверждает, что снижение уровня материального положения в большей степени коснулось тех домашних хозяйств, которые относятся к нижним доходным группам. Одновременно с этим высокий потребительский статус в 2015 году оказался характерен даже для более широкой группы домашних хозяйств по сравнению с 2013 годом. Как и в случае кризиса 2008-2009 годов в среднем по всем опрошенным позитивные и негативные оценки изменений материального положения примерно равны⁹. В целом, респонденты пенсионного возраста в два раза чаще говорят об ухудшении материального положения, чем об улучшении. Напротив, положительные изменения преобладают среди трудоспособных возрастов. Субъективные оценки положения домашних хозяйств отличаются пессимизмом на краткосрочную перспективу и оптимизмом на среднесрочную. Однако вне контекста

⁹ Влияние кризиса 2008 – 2009 на изменение экономического положения, сберегательного и кредитного поведения населения в России.

http://www.sbrf.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/2011/03/nisp3.pdf

времени относительные своего оценки социального положения в глаза респондентов
весьма и весьма низки.

Список литературы

1. Вьюговская, Е.В., Галиева, Н.И., Рогозин, Д.М. (2014) Этнография «бумажных» квартирных опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 5. С. 31-55.
2. Вьюговская, Е.В., Рогозин, Д.М., Сапонов, Д.И. (2014) Каскадный анализ прерванных интервью в автоматизированном телефонном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 3-25.
3. Рогозин Д.М. (2005) Результативность телефонного опроса в зависимости от ограничений на выбор респондента внутри домохозяйства // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 52-84.
4. Рогозин, Д.М., Ипатова, А.А. (2015) Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М: Радуга, 2015.
5. Hussmanns, R., Mehran, F., Verma, V. (1990) Surveys of Economically Active Population, Employment, Unemployment and Underemployment: An ILO Manual on Concepts and Methods. - Geneva: International Labour Office, 1990.
6. Hussmanns, R. (2007) Measurement of employment, unemployment and underemployment — current international standards and issues in their application //Bulletin of Labour Statistics, No. 2007-1, 2007.
7. Малева Т.М. (2015) Анализ спада производства и проблем бедности населения. Цели тысячелетия ООН и уровень бедности в России / Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации, Аналитический центр при Правительстве РФ, 2015.
8. Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. (2015а) Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал НЭА, 2015, № 3. С. 109-138.
9. Малева Т.М. и др. (2015б). Экономический кризис – социальное измерение: информационно-аналитический бюллетень / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой. 2015. № 3. Авраамова Е.М., Бурдяк А.Я., Гришина Е.Е., Зубаревич Н.В., Кириллова М.К., Логинов Д.М., Ляшок В.Ю., Мкртчян Н.В., Полякова А.Г., Тындик А.О., Флоринская Ю.Ф., Хасанова Р.Р.
10. Малева Т.М., Овчарова Л.Н. (2010) Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации // Экономическая политика, 2010, № 2.

11. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад / рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова. А.Я. Бурдяк, А.И. Пишняк, Д.О. Попова, Р.И. Попова, А.М. Рудберг. — Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 2014.
12. Clement W., Myles J. Relations of ruling: Class and gender in postindustrial societies. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 1994.
13. Рогозин Д.М. Под(д)елки в бумажном поквартирном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 3-35.
14. Малева Т.М. и др. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. – Гендальф, 2003.